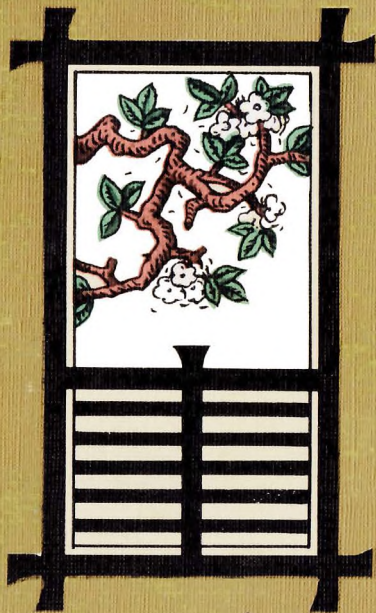

ЯПОНСКАЯ ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

ЯПОНСКАЯ
ЛЮБОВНАЯ
ЛИРИКА

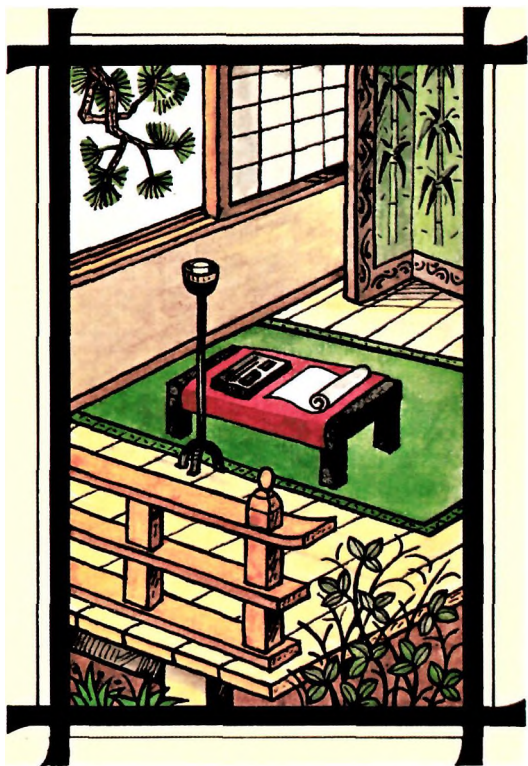
ЯПОНСКАЯ ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

**ЯПОНСКАЯ
ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА**

ЯПОНСКАЯ ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

*Перевод со старояпонского
Анны Глускиной*

*Художник
Г. Клодт*

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1988

*Составление,
комментарии
А. Глускиной*

© Состав, комментарии, художественное оформление
Издательство «Художественная литература», 1988 г.

ПЯТИСТИШИЯ

ТАНКА

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЙ

ПЕСНЯ ЮНОШИ

Прозрачная волна у белых берегов,
Раскинутых, как белоснежный шарф,
Порой бурлит, но к берегам не подойдет,
Так — ты ко мне.
И полон я тоски...

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

О нет, наоборот:
Увы, не я, а ты,
Подобно той волне у белых берегов,
Раскинутых, как белоснежный шарф, —
Ты никогда не подойдешь ко мне...

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Когда бы знала, что любимый мой
Придет ко мне,
Везде в саду моем,
Покрытом только жалкою травой,
Рассыпала бы жемчуг дорогой!

ПЕСНЯ ЮНОШИ

Зачем мне дом, где жемчуг дорогой
Рассыпан всюду,
Что мне жемчуга?
Пусть то лачуга, вся поросшая травой,
Лишь были б вместе мы, любимая моя!

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Когда бы гром внезапно загремел,
А небо затянули облака,
И хлынул дождь, —
О, может быть, тогда
Тебя, мой друг, остановил бы он!

ПЕСНЯ ЮНОШИ

Пусть не гремит совсем здесь грозный гром
И пусть не льет с небес поток дождя,
Ах, все равно —
Останусь я с тобой,
Коль остановишь ты, любимая моя!

* * *

На траву зеленую тисá
Тяжестью в горах легла роса,
Оттого и вянет зелень этих трав.
Оттого, что в сердце горечь глубока,
Не кончается моя тоска...

* * *

Лучше пусть исчезну,
Словно белый иней,
Выпавший на землю поутру:
Как я эту ночь, тоскуя и печальясь,
Нынче до рассвета проведу?

* * *

Иголовие из дерева цугá,
Лишь придет вечерняя пора,
Ты все время неотступно ждешь на ложе...
Отчего ж никак дождаться ты не можешь,
Чтоб хозяин твой пришел сюда?

* * *

На рассвете у ворот моих
Кулики без умолку поют.
О, проснись, проснись!
Мой супруг на эту ночь одну,
Пусть не знают люди про тебя.

* * *

Ах, на кровле дома моего
Зацвела «не забывай»-трава.
Все смотрю:
А где трава «забудь-любовь»?
Жаль, еще не выросла она...

* * *

Милый мой,
Моя любовь к тебе,
Словно эта летняя трава,—
Сколько ты ни косишь и ни рвешь,
Вырастает снова на полях!

* * *

В Сога, среди долины чистых рек,
Где осока дивная растет,
Не смолкая, плачут кулики...
Не смолкает также ни на миг
И моя несчастная любовь...

* * *

По дороге, что отмечена давно
Яшмовым копьём,
Ходить устал.
Мне циновку б из рогожи постелить
И смотреть бы мне все время на тебя!

* * *

Лишь раздался топот быстрого коня,
Как под сень сосны
Из дома вышла я,
И все думаю, смотрю вокруг,
Может, это ты, мой милый друг?

* * *

Как журавль далекий, что летает в небе,
Белых облаков крылом касаясь,—
Так и ты...
О, как мне трудно, трудно
Оттого, что нет тебя со мною!

* * *

Словно в бездне, среди скал,
Белоснежный жемчуг дорогой,
От людей скрываю я любовь.
И пускай погибну от любви,
Людам я не назову тебя!

* * *

Чем так жить,
Тоскуя о тебе,
Лучше было бы мне просто умереть,
Оттого, что думы, полные тревог,
Словно скошенные травы на лугах...

* * *

В священном храме,
Где жрецы вершат обряды,
Сверкает зеркало кристальной чистоты,—
Так в памяти моей сверкаешь ты,
И в каждом встречном я ищу тебя...

* * *

Долго, видно, буду тосковать о той,
Что мне видеть ныне довелось,
Что сверкала
Дивной красотой,
Как венок из ярких пестрых трав.

* * *

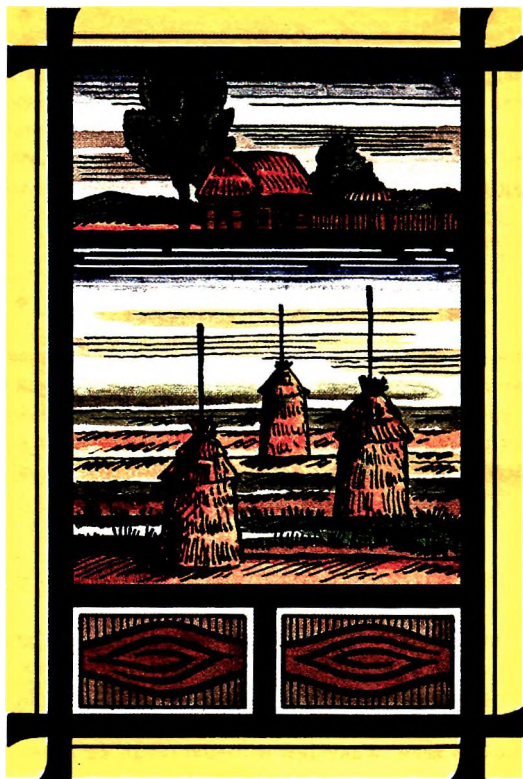
Говорят: на этом свете умирают,
Если так тоскуют, как тоскую я
Из-за той, что видел только миг,
Что хороша,
Как цветы струящиеся фудзи...

* * *

Мне кажется теперь, когда моя любовь
Намного глубже и сильнее стала,—
Я умереть могу в смятенье чувств;
Так рвется нить жемчужная — и вдруг —
Рассыплется весь жемчуг дорогой...

* * *

Тоскую о тебе и жду тебя всегда!
О, если был бы знак,
Что суждена нам встреча!
Ведь в этом мире я, увя, не вечен,
Подобно всем, живущим на земле...

* * *

У ворот моих
На деревьях вяза вызрели плоды...
Сотни птиц слетелись к дому моему,
Тысячи слетелись разных птиц,
А тебя, любимый, нет и нет...

* * *

Среди полей, заброшенных, в глуши,
Далекой, словно вечный свод небес,
Оставила тебя,
И от тоски и дум
Нет больше сил на этом свете жить!

* * *

Как до небесных облаков
Отсюда далеко — так до тебя...
Но пусть с тобою мы в разлуке,
Взамен твоих — чужие руки
Не станут изголовьем никогда!

* * *

Как тень прозрачная в рассветный час,
Таким же тонким тело нынче стало
Все из-за той, что яшмой засверкала
Лишь издали,—
И навсегда ушла от нас...

* * *

Кого среди людей назвать счастливым? —
Того, кто милой слышит голос
И в пору ту,
Как черный волос
Уже становится седым!

* * *

Вчера, вечернею порой, лишь миг один,
Короткий, как жемчужин встречных звон,
Я видел здесь ее,—
И нынче утром вдруг
Мне показалось, будто я люблю!

* * *

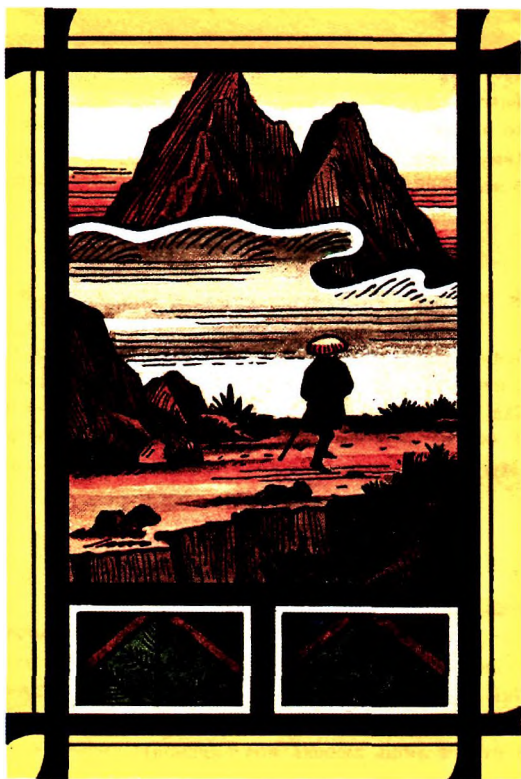
Пусть велика земля, но даже и она
Имеет свой предел,
Но в мире этом есть одно,
Чему конца не будет никогда,
И это бесконечное — любовь!

* * *

Ведь ты — лишь человек
С непрочною судьбою,
Как лунная трава цукигуса.
О, что ты можешь знать, мне говоря:
«Мы после встретимся с тобою...»

* * *

Когда зайдет за облака луна,
Сияющая ныне в небесах,
Как зеркало кристальной чистоты, —
Нет, все равно не кончится тоска,
А станет лишь любовь моя сильней!

* * *

Оттого, что обо мне не думает совсем
И меня не любит милая моя,
Я скрываю от нее любовь.
Так бутон скрывает чашечку цветка,—
Но должны бутоны расцвести!

* * *

Когда бы ныне мог корабль я встретить,
Который держит путь в столичные края,
Я б милой передал,
В каком смятенье думы,
Что словно скошенные травы на лугах...

* * *

Наверно, там, где горы Симакума
Жемчужным гребнем в небо поднялись,
В вечерних сумерках
Идешь ты одиноко
Заброшенную горную тропой...

* * *

Когда оградой зеленой горы
Меж нами встанут множеством рядов
И мы уже не будем больше вместе, —
Тебе, любимый мой, в далекий край,
Я часто не смогу подать отсюда вести...

* * *

С нетерпеньем друга ожидаю,
В дом одной мне нынче не войти,
Пусть роса давно уже покрыла
Белотканые
Льняные рукава...

* * *

Когда в цветенья час
Не расцветают сливы,
А лишь в бутонах прячут лепестки,
Быть может, так они любовь скрывают?
А может, снег они с тревогой ждут?

* * *

Возле моря,
На скалистом берегу,
Утро каждое я вижу стаи птиц,
Утро каждое смотреть бы на тебя,
Но тебя не видно, милый мой...

* * *

Подобно соловью, что раньше всех поет
В тени ветвей,
Когда придет весна,—
Ты раньше всех мне о любви сказал,
И лишь тебя отныне буду ждать!

* * *

Лишь издали могу я любоваться,
Дотронуться не смею никогда.
Как лавр зеленый,
На луне растущий,—
Любимая моя... Что делать с ней?

* * *

Пока в саду своем ждала,
Что ты придешь ко мне, любимый,
На пряди черные
Распущенных волос
Упал холодный белый иней.

* * *

Ведь оттого, что никогда не думал,
С какой тоской тебя
Я буду вспоминать,
Бывали и такие ночи,
Когда подушкой был не твой рукав!

* * *

Вот нить жемчужная;
Как ни длинна она,
Сойдутся вместе у нее концы.
Не разойдутся и у нас пути,—
Одна нас свяжет нить, как эти жемчуга...

* * *

Эта ночь, что черна,
Словно черные ягоды тута,
О, пускай никогда не проходит она!
Так мучительно ждать мне до ночи тебя,
Каждый раз уходящего рдеющим утром!

* * *

Должно быть, наступил уже рассвет:
Тидори возле нас щебечут неустанно,
А изголовье из твоих прекрасных рук,
Из белотканых рукавов твоих
Мне, как и ночью, все еще желанно!

* * *

О, только если высохнет до дна
Река Сикама, что впадает в море
Владыки вод,
О, только лишь тогда
Умрет навек моя любовь к тебе!

* * *

Схлынут волны — и в заливе Нанива
Собирают водоросли-жемчуга
Девушки-рыбачки...
Я хочу узнать:
Как по именам вас называть?

* * *

Только тем, кто ищет раковины здесь,
Мы охотно подаем от сердца весть.
Странникам,
Кому постель — трава,
Мы своих имен не назовем.

* * *

Каждый раз, как только вижу я
Крылья тех гусей,
Летающих в тростники,
Вспоминаю я разящую стрелу,
Что носил ты за спиною у себя...

* * *

Вот спустилась ночь...

Скоро и светать начнет...

Двери распахнув,

Жду, когда же он придет,

Милый, что ушел в страну Кии?

ПЕСНИ ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЙ

* * *

Целый день толку я белый рис,
Грубы стали руки у меня.
Хорошо бы, если б в эту ночь
Молодой хозяин мой пришел,
Тронул их и пожалел меня!

* * *

Как на поле здесь, в Санацура,
У холма я сею нынче просо —
Вижу, лошадь милого пришла:
Потянулась к просу, ест... Ну что ж,
Все равно ее не прогоню!

* * *

Ах, одежды белотканой рукава
В изголовье положу-ка я себе!..
Вижу, едут из Курага рыбаки,
Возвращаются к себе домой,—
Не вставайте, волны, на пути!

* * *

У Цукуба, у горы,
Рано еще снегу выпадать.
Что это белеет там, вдали?
Верно, расстелила полотно
Для просушки милая моя.

* * *

В дальней стороне Сакитама,
Где стоят в заливе корабли,—
Ветер злой,
Канаты рвутся там...
Только б не пришлось расстаться нам.

* * *

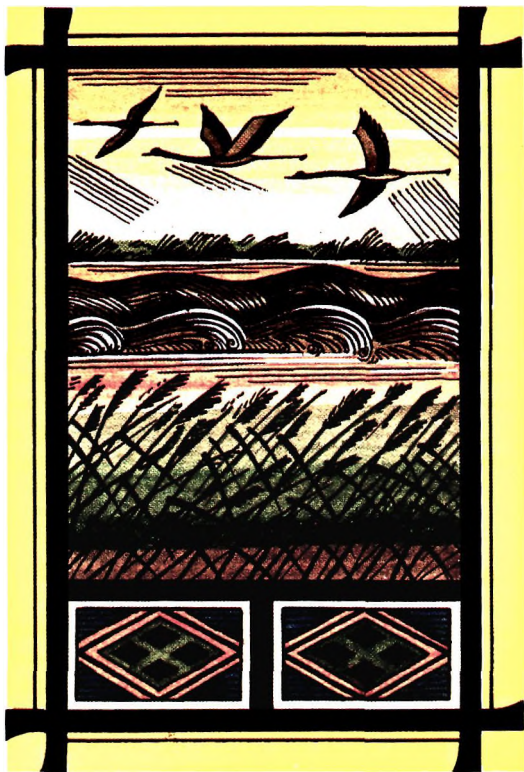
Вот из здешних мест, из Синану,
Из соседней речки Тикума,
Камешек простой;
Наступишь ты ногой —
Для меня он станет яшмой дорогой!

* * *

Здесь, в стране у нас, в Асигара,
Возле горных склонов Хаконэ,
Просо мы посеяли с тобой.
Вот уж и колосья налились,—
Странно, что не вместе мы теперь!

* * *

Нежный померанцевый цветок,
Что расцвел в селении моем,
Притянул к себе, хотел сорвать,
Но оставил, не сорвал его —
Был уж очень молод тот цветок!

* * *

Ведь еще вчера я ночью с милой был,
А мне кажется, что этот миг далек,
Словно журавли,
Что в небесах летят,
Прикасаясь к белым облакам...

* * *

Как жемчужная трава,
Что растет на диком берегу,
Клонится к земле,—
Так, склоняясь, наверно, спишь одна,
Не дождавшись друга своего...

* * *

Простую женщину из Адзума-страны,
Что для тебя в саду своем растила,
Срезала коноплю, сушила,
Стелила для тебя и так тебя любила,
Заботясь о тебе,— не забывай!..

* * *

Когда в стражи я из дома уходил,
Было рано, чуть забрезжила заря...
У ворот моя жена стояла...
Все не знала, как теперь ей быть,
Все боялась мои руки отпустить.

* * *

Милую жену покинул я,
Бросил я ее в селении чужом,—
Тяжко мне,
И глаз не отвести!
Все глядел, пока вдали не скрылся дом...

ПЕСНЯ МУЖА

Те ворота, где стоит жена
У горы Цукуба,— скроют облака,
Но пока я различаю
Милый дом —
Буду я махать ей рукавом!..

ПЕСНЯ ЖЕНЫ

Где горы Цукуба виден пик,
Только ли орла там слышен крик?
Это плачу я!..
Так вечно мне рыдать,
Если нам друг друга не видать!

ПЕСНЯ МУЖА

Здесь тебя оставить и уйти
Жалко сердцу, милая моя...
Хорошо бы —
Нет другой мечты, —
Чтоб у лука тетивою стала ты!

ПЕСНЯ ЖЕНЫ

Проводив тебя, остаться здесь,
Все равно что погубить себя!..
Хорошо бы
Обратиться в этот лук,
Чтобы вместе быть с тобою, милый друг!

* * *

И когда расстались мы
На берегу,
На который в белой пене шла волна,
Безнадёжно тяжело стало мне,
В сотый раз машу я рукавом...

* * *

Словно стаи уток улетали, —
Отправлялись мы в далекий путь.
Опечаленное сердце милой,
Что со мной прощалась в этом шуме,
До сих пор я не могу забыть.

Из легенды о знаменитой красавице Тэконá

...И когда, в страну восточную придя,
Взглянешь, как у берега катится волна,
Сразу загрустишь
о деве молодой,
Что сюда ходила часто за водой...

ПОЭЗИЯ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ
VII—VIII вв.

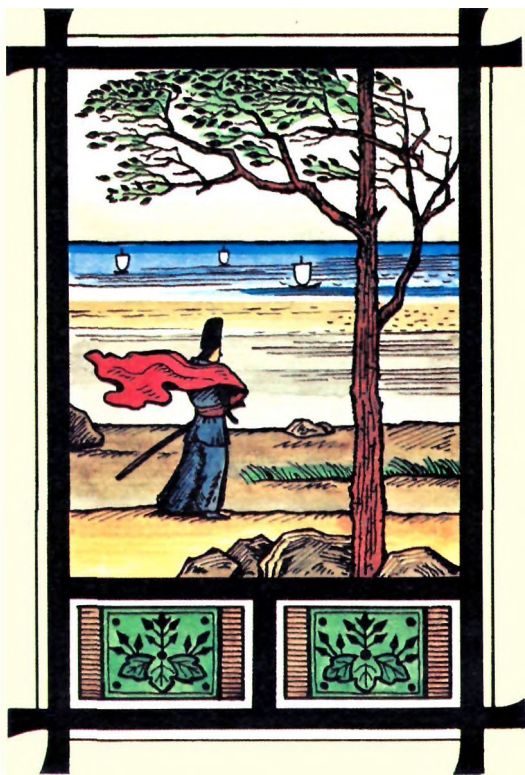
Какиномото Хитомаро

* * *

У вороного моего коня
Так бег ретив, что сразу миновали
Места, где милая моя живет...
Как в небе облака —
Они далеки стали!

* * *

Несущиеся вихрем листья клена среди осенних гор,
Хотя б на миг единый
Не падайте, скрывая все от глаз,
Чтоб мог увидеть я
Еще раз дом любимой!

* * *

От ветра свежего, что с берега подул,
У мыса дальнего Нусима, с гор Авадзи,
Мой шнур, что милою завязан был,
Как будто к ней стремясь,
По ветру заметался...

* * *

Тиха морская гладь
У берегов Кэи...
Как срезанные травы гомо,
Разбросанные плавают вдали
Челны рыбацкие на взморье.

* * *

Нет никаких известий о тебе, —
В морской дали не видно островка, —
И средь равнины вод,
Качаясь на волне,
Лишь белоснежные восходят облака...

* * *

Возможно ль, что меня, кому средь гор Камо
Навеки скалы станут изголовьем,
Все время ждет с надеждой и любовью,
Не зная ни о чем,
Любимая моя?

* * *

Огни для ловли рыб
В открытом море,
Что на равнине вод сверкают вдалеке,
Огни далекие вы разожгите ярче,
Чтоб острова Ямато видеть мне!

* * *

На миг один, короткий, как рога
Оленей молодых, что бродят в поле летом,
На краткий миг — и то
Могу ли позабыть
О чувствах этой милой девы?

* * *

Яшмовых одежд стих легкий шорох.
О, какой тоскою полон я,
Не сказав любимой,
Что осталась дома,
Ласкового слова, уходя...

Ямабэ Акахито

* * *

На острове этом Карани,
Где срезают жемчужные травы морские,
Если был бы бакланом,
Что живет здесь, у моря,
Я не думал бы столько, наверно, о доме!

* * *

Когда к островам
Довелось мне причалить,
Как завидовал я
Кораблям из Куману,
Плывущим в Ямато!

*Проезжая мимо кургана легендарной
красавицы Тэкона́*

Вот в Кацусика, в этой стране,
В этой бухте Мама,
Верно, здесь, наклонившись,
Срезала жемчужные травы морские
Тэкона... Все о ней нынче думаю я.

* * *

Я не могу найти цветов расцветшей сливы,
Что другу мне хотелось показать:
Здесь выпал снег, —
И я узнать не в силах,
Где сливы цвет, где снега белизна...

* * *

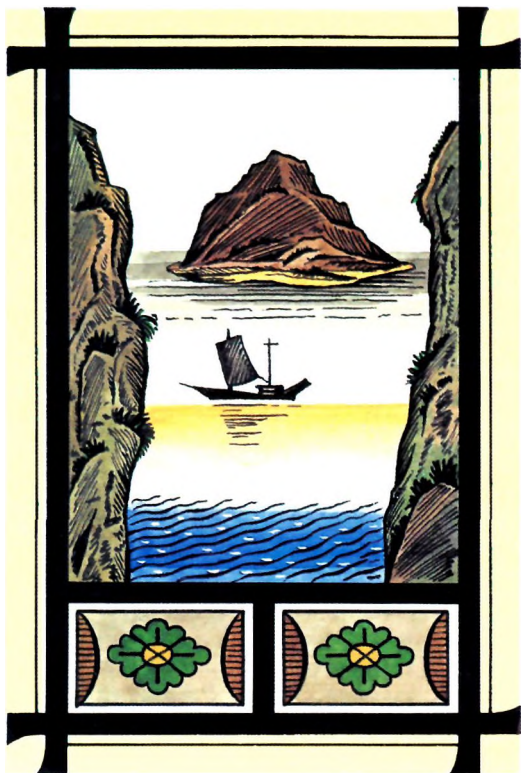
Когда ночь наступает,
Ночь, как черные ягоды тута, —
Там, на отмели чистой,
Близ деревьев хисаки,
Часто плачут тидори...

* * *

В этом Ёсино дивном, —
Здесь, в горах Кисаяма,
На верхушках высоких зеленых деревьев
Что за шум поднимают
Своим щебетом птицы?!

* * *

Я в весеннее поле пошел за цветами,
Мне хотелось собрать там фиалок душистых,
И оно показалось
Так дорого сердцу,
Что всю ночь там провел среди цветов,
до рассвета!

* * *

Меня ты любила —
На память об этом
Цветы нежных фудзи, что льются волною,
Ты тогда посадила у нашего дома,
А теперь — полюбуйся их полным расцветом!

* * *

Там, где остров на взморье,
У берегов каменистых,
Поднялись над водою жемчужные травы
морские...
И когда наступает прилив и от глаз их
скрывает,
Как о них я тогда безутешно тоскую!

* * *

На острове Абэ
У скал, где бакланы,
Бегут беспрестанно вдоль берега волны,
И я эти дни беспрестанно тоскую,
Исполненный думой о далеком Ямато!

* * *

Там, где птицы мисаго,
В изгибах прибрежных
Зеленые травы «скажи-свое-имя»,
И ты их послушай, скажи свое имя!
Пусть даже родители знают об этом!

* * *

Там, где Асука воды,
Не покинет вдруг заводь
Туман, разостлавшийся легкой дымкой, —
Не такой я любовью люблю,
Чтобы быстро прошла...

Яmanoэ Окура

* * *

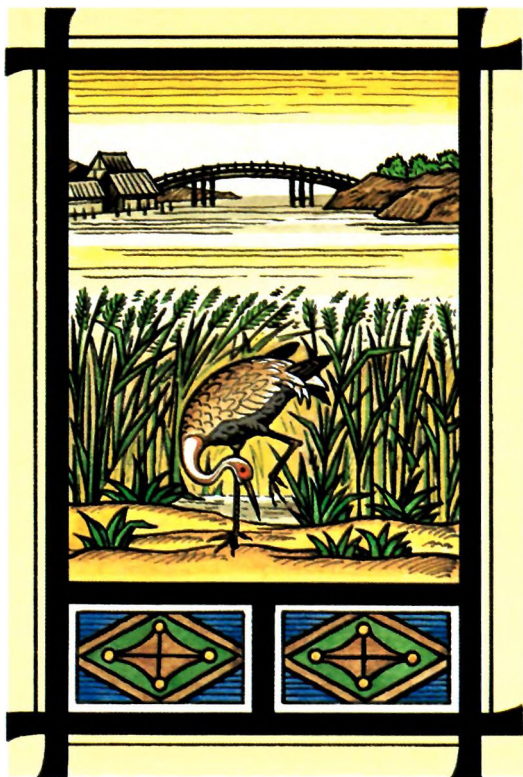
Итак, друзья, скорей в страну Ямато.
Туда, где сосны ждут на берегу!
В заливе Мицу.
Где я жил когда-то,
О нас, наверно, память берегут!

Отomo Табито

* * *

Когда большими хлопьями на землю
Снег, словно пена белая, летит
И нет конца ему,—
Всегда в минуты эти
Столицу Нара вспоминаю я!

* * *

Даже скалы
В Хаято, среди быстрых потоков,
Красотой не сравнятся
С водопадами Ёсино,
Где играют форели!

* * *

Траву «позабудь»
Я на шнур свой подвешу,
Чтоб о старом селенье
У горы Кагуяма
Позабыть навсегда!

* * *

Как журавль в тростниках
В бухте той Кусакаэ
Бродит в поисках пищи, —
Так и я... Как мне трудно!
Как трудно без друга!

* * *

Вот и время пришло
Мне домой возвращаться...
Но в далекой столице
Чей мне будет рукав
Изголовьем душистым?

* * *

Изголовье из рук,
Что лежали на шелковой ткани
И всегда обнимали любимую нежно.
Ах, навряд ли еще человека я встречу,
Для кого они будут служить изголовьем!

* * *

В покинутом доме,
В далекой столице,
Когда в одиночестве спать мне придется,
О, тяжело мне будет, намного труднее,
Чем было в моем одиноком скитанье!

* * *

В том саду, что вдвоем
Мы сажали когда-то
С любимой вместе,
Поднялись там высоко,
Разветвились деревья!

* * *

Не белой ли сливы цветы
У холма моего расцветали,
И теперь все кругом в белоснежном цвету?
Или это оставшийся снег
Показался мне нынче цветами?

Отomo Якамоти

* * *

Чем так мне жить, страдая и любя,
Чем мне терпеть тоску и эту муку,—
Пусть стал бы яшмой я.
Чтоб милая моя
Со мной осталась бы, украсив яшмой руку!

Послание жене, написанное в изгнании

Пусть жалок раб в селении глухом,
Далеком от тебя, как своды неба эти!..
Но если женщина небес грустит о нем,—
Я вижу в этом знак,
Что стоит жить на свете!

* * *

Когда ты спросишь, как теперь я сплю
Ночами долгими один,— одно отвечу:
Да, полон я тоски
О той, кого люблю,
Кого я больше никогда не встречу!

* * *

Когда ночами, полные печали,
Слышны у моря крики журавлей
И дымкою туман
Плывет в морские дали,—
Тоскую я о родине моей!

* * *

Ужель, придя к любимому порогу,
Тебя не увидав,
Покинуть вновь твой дом,
Пройдя с мученьем и трудом
Такую дальнюю дорогу!

* * *

Цветы душистых слив, что опадают
Во множестве весной
В моем саду,—
Как будто в небеса сперва взлетают
И наземь падают, как белый снег...

* * *

О, только так на свете и бывает,
Уж таковы обычаи земли!
А я и ты
Надеялись и ждали,
Как будто впереди у нас века!

* * *

Когда, подняв свой взор к высоким небесам,
Я вижу этот месяц молодой, —
Встает передо мной изогнутая бровь
Той, с кем один лишь раз
Мне встретиться пришлось!

* * *

Сегодня на рассвете раннем
Осенний ветер холодом дохнул.
И близится пора,
Когда наш дальний странник —
Гусь дикий — с криком улетит...

* * *

Мне в одиночестве
Внимать тебе печально.
Кукушка, я тебя прошу,
Лети туда, на склоны гор Ниу,
И песню спой ему в краю том дальнем!

* * *

О, слышен ли, как раньше, аромат
Цветов татибана, что распустились здесь?
Наверно, от дождя,
Что нынче ночью лил,
Когда кукушка пела, он исчез...

* * *

От еле уловимой дрожи крыльев
Кукушки, распевающей средь лета,
Цветы осыпались...
Как видно, час расцвета
Уже прошел для вас, цветы лиловых фудзи!

* * *

Всегда перед зарей — прислушаться лишь надо —
Осеннею порой,
Едва забрезжит день,
Здесь, сотрясая гор простерты громады,
Рыдает горько в одиночестве олень.

* * *

Взглянул я вверх, на белизну снегов,
Что на мосту небесном засверкала.
Сорочий мост
Для встречи звезд готов —
И понял, что ночь уже настала!

* * *

Говорят, что наступило время
Ласточкам весенним прилететь,
Гуси дикие,
О родине жалея,
С криком исчезают в облаках...

* * *

Как гуси дикие, что вольной чередой
Несутся с криком выше облаков,
Ты далека была...
Чтоб встретиться с тобой,
Как долго я блуждал, пока пришел!

* * *

Как будто отголоски дальней бури,
Что с цвета слив сорвала лепестки,—
Так слухи о тебе...
И вот люблю я снова,
И счастлив я, и больше нет тоски!

* * *

Как только наступает вечер,
Я открываю дверь в свой дом
И жду любимую,
Что в снах мне говорила:
«К тебе я на свидание приду!»

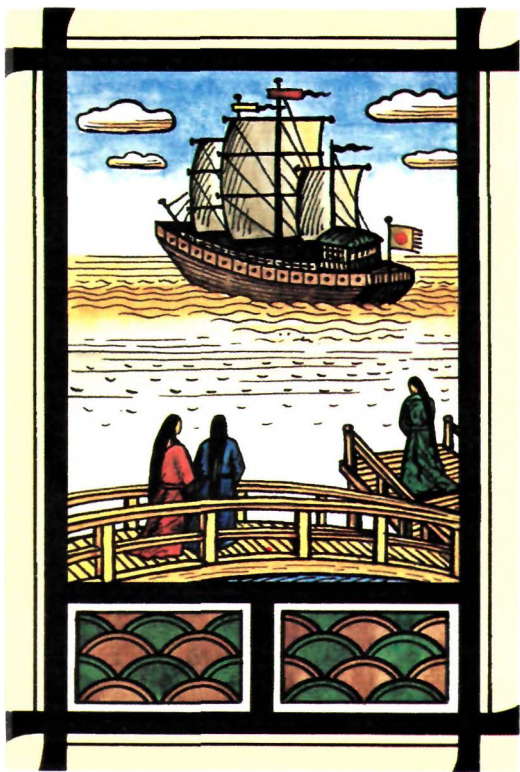
* * *

Горы Мива!
Неужели скроетесь теперь навеки?
О, когда бы в небе этом
Облака имели сердце,
Разве скрыли б вас от взора?!

* * *

Когда б могла заранее я знать,
Что ждет тебя беда —
Страшнее всех печалей,
Я завязала бы святой запрета знак,
Чтоб удержать на месте твой корабль!

Отото Саканоз

* * *

Когда бы ты стал яшмой дорогой,
Я, на руки ее надев, не знала б муки,
Но в мире суетном —
Ты только человек,
И удержать тебя мои бессильны руки...

* * *

Бывают думы, от которых в сердце
Как будто наплывают облака;
Так в час, когда туманов вешних дымка
Повсюду стелется, —
Сильна любви тоска!

* * *

О, если сердце чистое такое,
Как в алтарях святые зеркала,
Ты милому однажды отдала,
Пусть люди после осуждают это, —
Что будет значить для тебя молва!

* * *

Как плачущий журавль
Среди равнин Такэда,
Раскинувшихся предо мной вдали,
Не зная отдыха, все плачет о подруге,—
Вот так же я тоскую о тебе!

* * *

О любящее мое сердце,
Что думает: «Прекрасен ты!»
Оно — как воды быстрые реки:
Пускай плотины не дают бежать потокам,
Те все равно сметут помехи на пути!

* * *

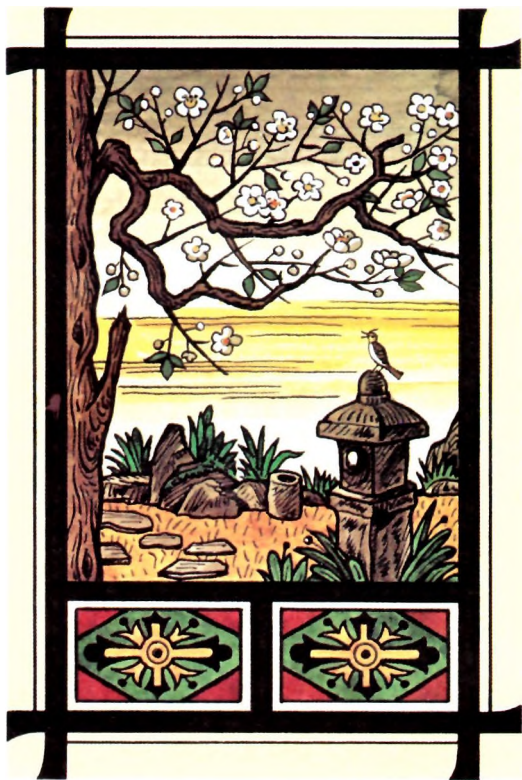
Как плачущий журавль во мраке черной ночи —
Лишь слышен крик его издалека,—
Ужели также буду плакать я,
Лишь вести о тебе из стран далеких слыша
И больше никогда не видя здесь тебя?

* * *

И даже мелкий тот песок на побережье,
Где будешь много, много дней брести,
С моей тоскою может ли сравниться?
Ответ мне дай,
Страж островов морских!

* * *

Печалась о тебе,
Страдая безысходно,
У Нарских гор
Под маленькой сосной
Стою, исполненная горем и тоской!

* * *

Ах, о моей любви
Ты не сказал ли людям?
Я видела во сне,
Что ларчик дорогой
Открыли — и оставили открытым...

* * *

Пускай цветы душистой белой сливы
Чудесною горой подымутся вокруг.
Но все равно —
Как на тебя, любимый,
Я наглядеться не смогу на них!

* * *

Во сне я ныне увидала,
Что положила рядом с ложем
Бранный меч.
О, что же та примета означала?
С тобой увидимся, мой друг!

Такэти Курохито

* * *

В Сакура надо мной
Журавли в небесах пролетают, крича.
Верно, в бухте Аютигата
Ныне схлынул прилив с берегов.
Журавли надо мной пролетают, крича...

Кавабэ Миябито

* * *

Все эти дни о нас
Шумит молва людская!
О, если б яшмой драгоценной ты была!
Я на руки б тогда надел тебя
И в одиночестве не тосковал бы ныне!

Отото Момоё

* * *

О, если б ты сказала мне, что любишь,
На самом деле вовсе не любя,
То знай, что боги рощ святых Микаса,
Среди полей Ону —
Твою раскрыли б ложь!

Хасибито Оура

* * *

Взглянул я вверх.
Там, где небес равнина,
Я вижу — тонкий, светлый лук
Натянут и подвешен в небе, —
Прекрасен будет мой полночный путь!

Камо

* * *

Корабль в Цукуси
Не пришел еще,
И все же, несмотря на это,
Заранее пришла ко мне печаль
О том, что ты далеко где-то...

Аки

* * *

О, волны взморья в белой пене
У берегов страны Исэ!
Когда б они цветами были —
Собрал бы все
И в дар послал тебе!

Кура Навамаро

* * *

Кристалльно дно морское
Тихой бухты,
Что блеском фудзи лепестков озарена;
И оттого водой покрытый камень
Блестит, как жемчуг дорогой!

Хадзи Митиёси

* * *

Ночь, как черные ягоды тута,
Как будто сошла на землю:
Шкатулки бесценная крышка —
Гора Футагами — закрыла
Луну, что спустилась за горы...

Сану Тиками

*Послания возлюбленному,
находящемуся в изгнании*

* * *

Сказали мне, что человек пришел,
Вернувшийся недавно в дом родимый;
Услышала –
Едва не умерла,
Подумав про себя: «Не ты ль пришел, любимый?»

* * *

Лучше было б вместе мне с тобой уйти –
Все равно держать один ответ.
Проводив тебя,
Хоть и осталась здесь,
Радости мне тоже больше нет!

* * *

В доме ночью близкие твои,
Верно, сном спокойным не уснут.
«Нынче, нынче ли?» –
Все думают и ждут,
А тебя все нет, любимый мой!..

* * *

Не спуская взора с зелени сосны, —
Сосны «мацу» — это значит «ждать», —
Буду ждать тебя...
Скорей ко мне вернись!
О, пока не умерла я от тоски!

* * *

Лишь ради дня желанного, поверь,
Когда придешь ты,
Возвращаясь домой,
Я остаюсь еще на свете жить, —
Не забывай об этом никогда.

Накатом Якамори

В ответ на послания возлюбленной

* * *

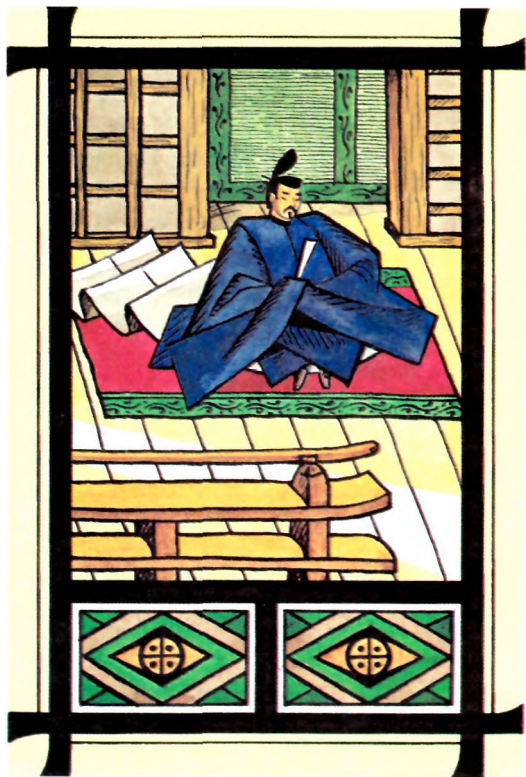
Я еще не стал
Ни прахом, ни землей,
А из-за меня, любимая моя,
Ты уже в волненье и тоске.
Вот она — любовь!

* * *

О тебе я в думах и тоске.
О, когда бы встретиться с тобой
Хоть на краткий миг!
Мне без твоих очей
Вряд ли суждено на свете жить!

* * *

Горы и заставы миновал,
Прежде чем явился я сюда.
О, тоска!
Когда надежды тщетны
Встретиться с любимой своей.

* * *

«О, как далека ты от меня!» —
Думаю с тоскою я теперь.
Но в разлуке дальней все равно
Не изменится
Моя любовь!

* * *

Ты не думай, милая моя,
Что вдали я не могу любить.
Даже день один,
Одну лишь только ночь
Я без думы о тебе не в силах жить!

* * *

Новояшмовых годов
Как бы долго ни тянулась нить,
Сколько бы в разлуке нам ни быть, —
Все равно и думы даже нет,
Что неверной может быть любовь!

* * *

О, если только вовсе нет богов
На небе и земле,
О, только лишь тогда
Мне будет суждено судьбою умереть,
Не встретившись с тобой, любимая моя!

Из старинных посланий

* * *

Как прибрежные птицы у бухты Мукó
Прикрывают крылом молодого птенца,
Так берег ты меня...
И в разлуке с тобой,
Верно, мне суждено умереть от любви...

* * *

Если б только могла дорогая моя
В путь со мною уйти
На большом корабле,
Так хотелось бы плыть и лелеять ее,
Словно птицы птенца — прикрывая крылом!

* * *

Когда причалишь ты
У дальних берегов
И встанет пред тобой густой туман,
Знай — это горький вздох, дошедший до тебя,
Чтоб рассказать о горести моей!

* * *

Едва придет осенняя пора,
Как снова мы увидимся с тобою.
Зачем же ты полна такой тоскою,
Что на пути моем
Встает густой туман?

* * *

На корабль поднялись мы
В Отомо, у Мицу,
И, отдавшись волнам, мы отплыли в дорогу.
На каких же теперь островах отдаленных
Суждено нам построить шалаши для ночлега?

* * *

Словно черные ягоды тута,
Ночь, должно быть, сменилась рассветом:
В бухте Яшмовой вижу,
Как, в поисках пищи,
Журавли пролетают, крича, надо мною.

* * *

Верно, бурными стали
У морского владыки
В белой пене шумящие волны на взморье,
Вижу – скрылись надолго за островом дальним
Молодые рыбачки...

* * *

В рассвета алый час,
Когда грустил о доме,
Вдруг возле мыса, где ладья плыла,
Раздался легкий всплеск весла...
(), эти юные рыбачки!

* * *

Пусть мой рукав,
Скользя по дну, в воде,
Промокнет весь... насквозь.
Я не уйду отсюда
Без этих раковин «забудь-любовь»!

* * *

«Не я ль один
Плыву на лодке ночью?» —
Подумал я, когда волна меня несла,
И в тот же миг в дали безбрежной моря
В ответ раздался легкий всплеск весла!..

* * *

Меж гор
В опавших алых листьях клена
Плывущих кораблей
Плененная красой,
Я вышла на берег, чтоб встретиться с тобой!

* * *

Только осень настанет
И корабль мой причалит здесь снова, —
Принесите с собой и оставьте на отмели мне,
Чтобы мог позабыть о любимой, — «ракушки
забвенья»,
Белоснежные волны далеких, безбрежных морей!

* * *

Твой корабль,
Что уходит из бухты Такасики ныне,
По пути наклоня морские жемчужные травы,
Буду ждать я с одной и единственной мыслью:
О, когда же он снова придет?

* * *

В тоске о милой
Я уснуть не в силах,
А в это время, скрытые от глаз туманной
дымкою...
В час алого рассвета,
Я слышу, гуси дикие кричат...

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ
IX—XIII ВВ.

Минамото Мунэюки

* * *

И даже хвоя у простой сосны,
Что ни в какую пору от начала
Своих иголок цвета не меняла,—
С приходом нынешней весны
Как будто зеленее стала!

Соку-хоси

* * *

Лишь там, где опадает вишни цвет,
Хоть и весна, но в воздухе летают
Снежинки белые...
Но только этот снег
Не так легко, как настоящий, тает!

Аривара Нарихира

* * *

И встать я не встаю, и спать не спится...
И так проходит ночь, и утро настает.
Все говорят: «Весна»...
А дождь не кончил литься, —
И я с тоской смотрю, как он идет, идет...

* * *

Я красотой цветов пленяться не устал,
И слишком грустно потерять их сразу...
Всегда жалею их,
Но так их жаль,
Как этой ночью, не было ни разу!

* * *

Верно, кто-то возле водопада
Обрывает нити ожерелий, —
Сыплется все время белый жемчуг
На края цветные
Рукавов атласных...

* * *

Еще я наслаждаться не устал,
А лунный лик за горы хочет скрыться...
О гребни гор,
Раскройте небосклон,
Чтоб в небе мог он снова появиться!

* * *

Все дальше милая страна,
Что я оставил...
Чем дальше, тем желаннее она,
И с завистью смотрю, как белая волна
Бежит назад к оставленному краю...

* * *

Когда она меня спросила:
«Не жемчуг ли сверкает на траве?» —
Тогда в ответ сказать бы сразу мне,
Что это лишь роса, —
И с той росой исчезнуть...

* * *

Да, влажен шелковый рукав, что на заре
Бамбуковые заросли раздвинул
В осеннем поле...
Но влажней вдвойне
Рукав мой оттого, что я тебя не вижу.

* * *

Как будто аромат душистой сливы
Мне сохранили эти рукава,
Лишь аромат...
Но не вернется та,
Кого люблю, о ком тоскую...

* * *

Я соберу и спрячу жемчуг белый,
Что рассыпает шумный водопад:
В минуты грусти
В этом бренном мире
Заменит он потоки светлых слез!..

* * *

Все говорят, что очень долги ночи
Осеннею порой. Но это лишь слова.
Едва мы встретимся —
И сна не знают очи,
И не заметим, как придет рассвет.

* * *

Предела нет моей любви и думам,
И даже ночью я к тебе иду;
Ведь на тропинках сна
Меня не видят люди,
Никто меня не станет укорять!

* * *

Он на глазах легко меняет цвет
И изменяется внезапно.
Цветок неверный он,
Изменчивый цветок,
Что называют — сердце человека.

* * *

Пусть скоро позабудешь ты меня,
Но людям ты не говори ни слова...
Пусть будет прошлое
Казаться легким сном.
На этом свете все недолговечно!

* * *

С тех самых пор, как в легком сновиденье
Я, мой любимый, видела тебя,
То, что непрочным сном
Зовут на свете люди,
Надеждой прочной стало для меня!

* * *

Тот ветер, что подул сегодня,
Так не похож на ветер прошлых дней
Далекой осени, —
Он много холодней,
И вот на рукавах уже дрожат росинки...

* * *

Пусть по тропинкам снов,
Усталости не зная,
Хожу к тебе, но это все равно
Мне не приносит радости бывалой:
Встречались прежде миг, но — наяву!

* * *

Краса цветов так быстро отцвела!
И прелесть юности была так быстротечна!
Напрасно жизнь прошла...
Смотрю на долгий дождь
И думаю: как в мире все невечно!

* * *

О ветер! Ты, что дуешь средь небес,
Закрой дороги в облаках,
Где ты промчался,
Чтоб облик феи в танце не исчез
И миг еще с землей не расставался!

* * *

Ах, к дому моему не отыскать дороги,
Тропинки прежние травой заросли
За долгий срок,
Когда бы ты могла прийти,
Когда я ждал тебя, жестокою, напрасно!

Бунъя Ясухидэ

* * *

На травах, на деревьях, на кустах
Меняются цветы и увядают...
Но вот смотри:
На пенистых волнах
Цветы расцветшие — осенних дней не знают!

Цураюки

* * *

Прилечь я собирался ночью летом,
Но голос плачущий кукушки услышал.
И вдруг — уже заря!
Сменилась ночь рассветом,
Пока в тиши кукушке я внимал.

* * *

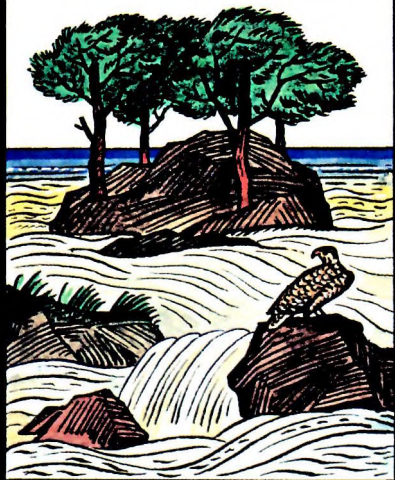
Туман весенний, для чего ты скрыл
Цветы вишневые, что ныне облетают
На склонах гор?
Не только блеск нам мил,—
И увяданья миг достоин восхищенья!

* * *

Осенний вид не привлекает взора.
В горах сейчас не встретишь никого.
Цветы осыпались...
И только листья клена —
Как ночью золотистая парча.

* * *

Ты стал другим, иль все такой же ты?
Ах, сердца твоего никто не знает!
Прошло немало дней,
Но вот зато цветы...
По-прежнему они благоухают!

* * *

Да, сном, и только сном, должны его назвать!
И в этом мне пришлось сегодня убедиться:
Мир — только сон...
А я-то думал — явь,
Я думал — это жизнь, а это снится...

* * *

О, набегай, волна прибоя, с новой силой!
И пусть вода затопит берега!
Забвенья раковины —
Чтоб забыть о милой,—
Быть может, я тогда на берегу найду!

* * *

Подует ветер — и встает волна.
Стихает ветер — и волна спадает.
Они, должно быть,
Старые друзья,
Коль так легко друг друга понимают!

* * *

Узоры пестрые на ряби волн
От тени, брошенной зеленой ивой,
Чьи ветви тонкие
Сплелись красиво,—
Как будто выткали их на воде!

* * *

Волна у берега одета белой пеной,
Снег седины на волосах моих.
Из нас двоих —
Кто кажется белее?
Ответ мне дай, страж островов морских!

* * *

Любовь таю в себе... Однако в те мгновенья,
Когда никак мне не сдержать тоску,
Любовь является вдруг взору твоему,—
Так из-за гребней гор в низинах, здесь
простертых,
Луна восходит, разгоня тьму!..

* * *

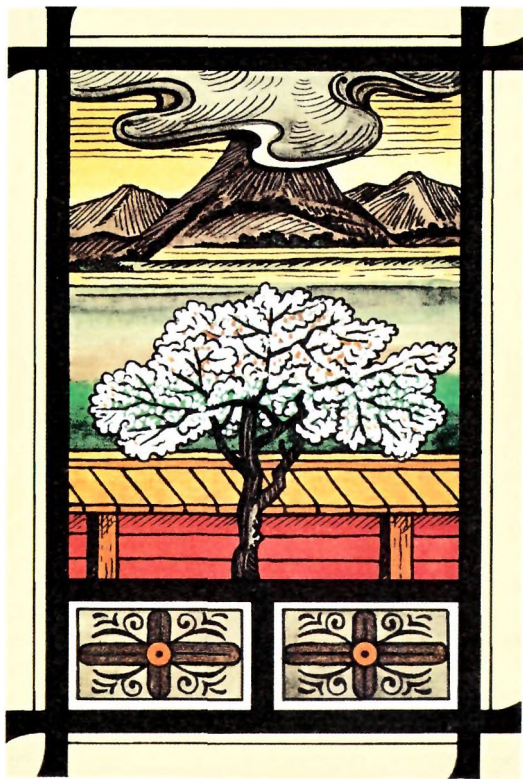
Как сквозь туман, вишневые цветы
На горных склонах раннею весною
Белеют вдалеке, —
Так промелькнула ты,
Но сердце все полно тобою!

* * *

Ах, для меня любовь — не горная тропинка
В местах, не познанных доселе мной,
И все равно,
Какой полно тоской
Мое блуждающее сердце!

* * *

Стоит зима — и вдруг, совсем неожиданно,
Между деревьями увидел я цветы, —
Так показалось мне...
А это — хлопья снега,
Сверкая белизной, летели с высоты!

* * *

Мое, не знавшее любви доньне, сердце
С тех пор, как полюбил тебя,
Менять свой цвет не будет никогда.
И никогда ты думать не должна,
Что это сердце может измениться!

* * *

Весною раннею, когда благоухают
Цветы душистых слив,—
Ночной порой в горах,
Бывает, не увидишь слив впотьмах,
Но где они — по аромату знаешь.

* * *

Если сожалеешь о разлуке,
Значит, не прошла еще любовь,
Только знать хочу: когда навек уйдешь
Облаком в чужую даль, какие муки
Ты оставишь сердцу моему?

* * *

И днем и ночью
Любовался я...
О сливы лепестки, когда же вы успели,
Не пожалев меня, так быстро облететь,
Что не заметил я печальной перемены?

* * *

Наверно, в Касуга — прекрасную долину,
Чтобы собрать весенние плоды,
Спешит красавица...
И машет в отдаленье
Широким белотканым рукавом...

* * *

Не звезда ли сегодня со звездой расстается?
Над небесной рекой встал туман, и повсюду
Все туманом закрылось...
Чей призыв раздается?
Чайка в голос рыдает!

Отикоти Мицунэ

* * *

Покоя не могу найти я и во сне,
С тревожной думой не могу расстаться...
Весна и ночь...
Но снится нынче мне,
Что начали цветы повсюду осыпаться.

* * *

Хочу, чтоб знала ты,
Что в сердце нет упрека
За то, что ты надежду подала,
За то, что встречу обещала к сроку,
За то, что так жестоко солгала!

* * *

Ах, осени туман — он не проходит,
Стоит недвижно, а в душе,
Где нет и проблеска,
Все замерло в тоске,
И даже небо дум — не хмурится в заботе.

* * *

Как видно, ветер дует неумело:
Сверкая белизною, облака
Не уплывают вдаль...
Ах, это горная вода, мчась с крутизны,
Сверкает белой пеной!

* * *

Когда на старой ветке хаги
Осеннею порой
Цветы раскрылись вновь,
Я понял — прежнюю любовь
Еще не позабыло сердце!

* * *

Не думаю, что очень долги ночи
Осеннею порой, —
Давно идет молва,
Что ночь и осенью покажется короче,
Когда любимая твоя — с тобой!

* * *

Осенними полями я бродил,
Стал влажен от росы
Шелк белых рукавов,
И ныне рукава промокшие мои
Благоухают ароматами цветов!

* * *

Вы, утки,
Что живете здесь, в пруду,
Порою зимнею,
Не говорите людям,
Что я сюда к любимой прихожу!

* * *

Нежданный новый год пришел ко мне,
А тот, кто перед этим удалился,
Исчез, подобно высохшей траве, —
Тот человек не только не явился,
Но даже не прислал мне вести о себе.

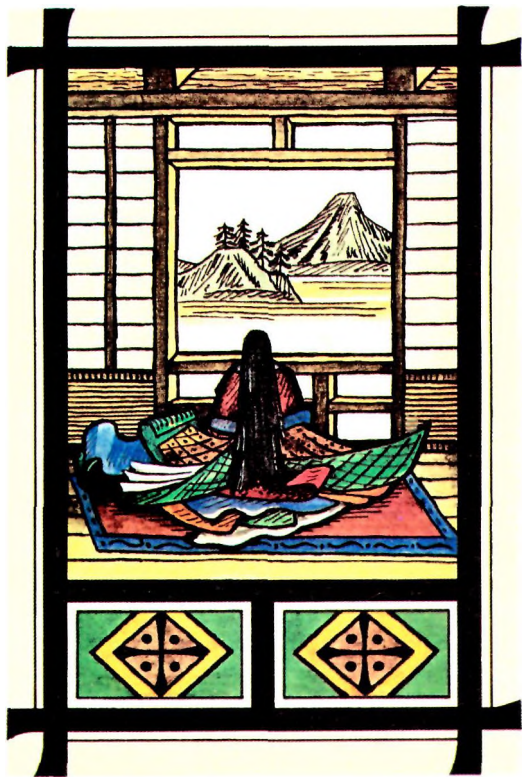
* * *

Снег все идет... И вот уже никто
Не ходит больше этою тропкою,
Мне не найти на ней твоих следов...
И чувствам прежним
Трудно не угаснуть...

* * *

Ах, лунной ночью их увидеть невозможно!
У нежных слив и лунного луча
Цвета одни.
И лишь по аромату
Узнаешь, где цветы, и сможешь их сорвать!

Идзуми Сикибу

* * *

Проходят годы — и сильней печаль,
Привычкой стало грусти предаваться.
Ведь нет такой весны,
Когда б не стало жаль
С весенними цветами расставаться!

* * *

На небо, где звезда ждет целый год звезду,
Куда взирают все с таким участием,
Я даже не взгляну.
Зачем смотреть туда?
Ведь мы с тобой намного их несчастней!

* * *

Не драгоценную ли яшму я нашла?
Подумала — и руку протянула.
Но тут же блеск пропал.
То белая роса,
Ложась на землю, яшмою блеснула!

Мурасаки Сикибу

* * *

Лик месяца на небе появился,—
То прежний иль другой вдруг глянул с высоты —
Узнать не удалось...
Средь облаков он скрылся.
Вот так же быстро промелькнул и ты...

* * *

С гусями, что на север полетят,
Ты весть пришли,—
Пусть принесут на крыльях,
Все время мне в разлуке вести шли,
Ведь облака сюда плывут все время!

Неизвестный автор

* * *

Я, полон грусти, расстаюсь с тобой,
Слезинки светлые дрожат на рукаве
Как яшма белая!..
Я их возьму с собой,
Пусть это будет память о тебе...

Неизвестный автор

* * *

Ах, только удержать бы мне его —
Того, кто от меня решил уйти!..
О вишни лепестки,
Рассыпьте по земле,
Преградой будьте на его пути!

Ки Томонори

* * *

Как пояса концы — налево и направо
Расходятся сперва, чтоб вместе их связать, —
Так мы с тобой:
Расстанемся — но, право,
Лишь для того, чтоб встретиться опять!

* * *

Ах, сколько б ни смотрел на вишни лепестки
В горах, покрытых дымкою тумана, —
Не утомится взор!
И ты, как те цветы...
И любоваться я тобою не устану!

* * *

Как тает иней, павший на цветы
Расцветших хризантем невдалеке от дома,
Где я живу, —
Так, жизнь, растаешь ты,
Исполненная нежною любовью!

* * *

Когда я слышу грустный плач сверчка,

Печально мне.

Легка одежда летом...

Ах, не пресытилось ли сердце у тебя?

Мне кажется порой, что прежних чувств уж нету...

* * *

Что эта жизнь? —

Исчезнет как роса!

И если б мог ее отдать за встречу

С тобой наедине, любимая моя,

Я не жалел бы, что ее утрачу!

* * *

Такой же аромат и цвет у вишен был...

И как тогда, в давно минувший год,

Они цветут теперь!

Но я уже другой...

Прошло немало лет, и я уже не тот...

* * *

Все склоны дальней Ёсину-горы
Сверкают белизной раскрывшихся цветов.
И вот мне кажется,
Что белые цветы
Не вишни лепестки, а просто снег...

* * *

Ночь ли темна, не знает ли дороги
Кукушка, заблудившаяся здесь?
Все мечется она...
Рыдает возле кровли
И все никак не может упорхнуть!

* * *

Хоть называю участь нашу горькой
За то, что жизнь — как пена на воде,
За то, что все непрочно на земле,—
И все же, продолжая жить на свете,
Надеждой вновь и вновь исполнен я!

Неизвестный автор

* * *

На ветках хаги, словно белый жемчуг,
Росинки блещут дивной красотой,
Но тают вмиг от рук...
Молю тебя, прохожий,
Любуйся издали, не трогай их рукой!

Оэ Тисато

* * *

Криком я кричу,
И тяжело мне от слез,
Но когда ты спросишь, то отвечу я,
Что рукав атласный мой слегка намок
От случайного весеннего дождя!..

* * *

Расставаясь, думаем всегда:
Минет время – встретимся опять.
Но, друг другу это говоря,
Разве знаем мы свою судьбу?..
И когда придет свиданья час?..

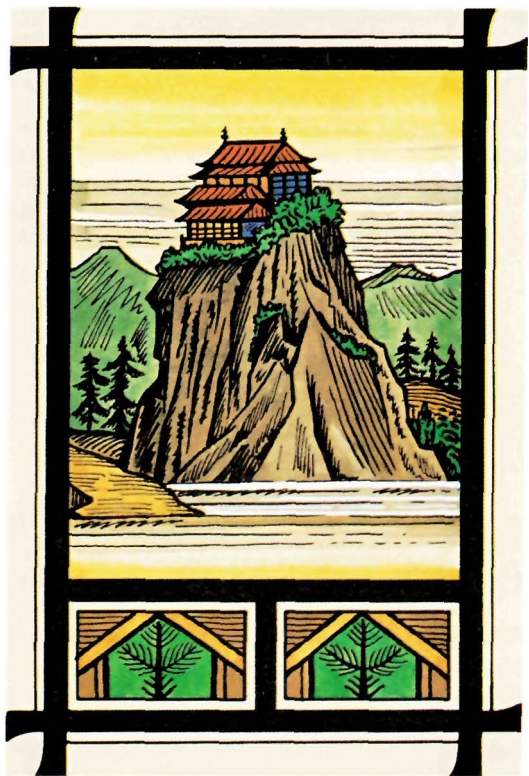

Исэ

* * *

Когда бы ты был кораблем, плывущим
По глади вод, тебе сказала б я,
Что только здесь
Твоя навеки пристань
И больше – нет ее нигде!

115

* * *

Бывает, в дни, когда одна грущу,
На рукавах моих атласных,
От слез промокших, —
Даже лик луны,
Внезапно отразившись, тоже плачет...

* * *

Ужель всю жизнь не встречу я тебя?
Хотя б на миг один была надежда...
Лишь на короткий миг,
Как в бухте Нанива
Коленца коротки у тростников прибрежных!

* * *

Вот я пришла к горам священным Мива.
О, сколько ждть еще
Свидания с тобой?
Увы, я знаю: в ожиданье минут годы.
Ты все равно не посетишь меня!

* * *

На ложе, что оставлено тобой,
Что слез потоки превратили в море, —
Пыль не страшнет атласный мой рукав.
Он в волнах слез плывет,
Вздымаясь, словно пена...

Ки Акиминэ

* * *

Кто летом в тех горах неведомо живет,
И о любимом будто бы тоскует,
И плачет взаперти?..
То милого зовет
Кукушка, что в горах теперь кукует!

* * *

Когда в столице, может быть, случайно
Тебя вдруг спросят, как я здесь живу,
Ты передай:
Как выси гор туманны,
Туманно так же в сердце у меня.

* * *

О, если любящее сердце человека
Древесной было бы листвой,
То, покорясь порывам бурным ветра,
Опала бы листва.
У сердца ж – путь иной!

Мибу Тадаминэ

* * *

Мне люди говорят: «Весна пришла».
Но пусть об этом говорит весь свет,—
Не верю я...
Не слышу соловья,
И кажется: еще весны здесь нет!

* * *

О человеке, что ушел однажды
Из Ёсину и скрылся среди гор,
Ступив в глубокий снег,—
Об этом человеке
Не слышно ничего с тех давних пор...

* * *

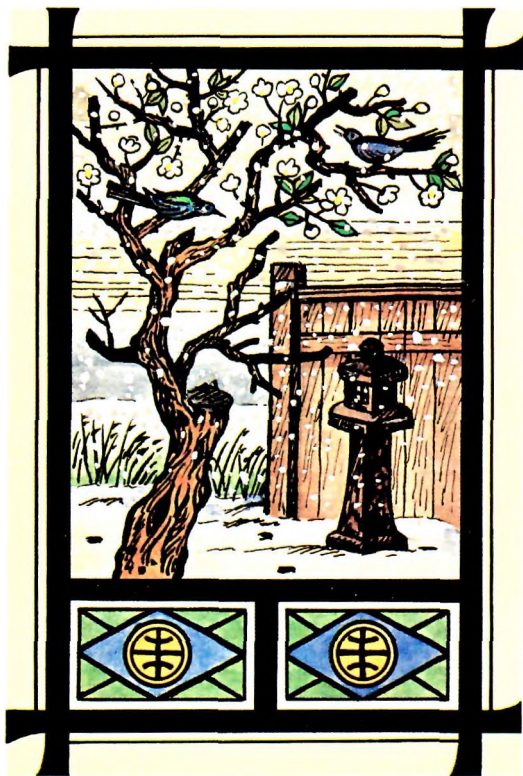
Весна настала, и как будто бы цветет
На ветках дерева, покрытых белым снегом,
Цветок весны.
И соловей на них поет
Средь снега белого, как средь бутонов белых.

* * *

От ветра, дующего осенью в горах,
Меняет цвет листва
Повсюду на деревьях, —
И, глядя на нее, хочу тебя спросить:
Не так же ль осенью и с чувствами твоими?

* * *

«Сейчас приду», — мне прошептала ты,
Но так словами и осталось это.
Ты не пришла...
Весь долгий путь луны
Я проследил до самого рассвета!

Неизвестный автор

* * *

Скажи, ко мне вчера ты приходила,
Иль, может, я вчера был у тебя?
Не помню ничего...
Все снилось или было?
Все видел наяву иль только грезил я?

Оно Такамура

* * *

Все, все бело! Глаза не различат,
Как тут смешался с цветом сливы снег...
Где снег? Где цвет?
И только аромат
Укажет людям: слива или нет?

* * *

Равнина вод безбрежно широка,
И островов на ней не сосчитать,
Я отплываю в путь.
Челн славный рыбака,
Об этом передать ей не забудь!

Неизвестный автор

* * *

Тот соловей, что приютился в ветках сливы,
Торопит песнею весны приход.
Но сколько ни поет —
Его призывы тщетны:
Весны все нет... И снег идет, идет...

Бунъя Асаясу

* * *

В осеннем поле выпала роса,
И словно жемчугом украшена равнина.
Куда ни глянь —
Сверкает все вокруг,
И — словно нити ожерелий — паутина.

Неизвестный автор

* * *

Аллеи все усыпаны листвою,
Окрашенною в ярко-алый цвет:
То осень...
Не сомкнут опавшую листву —
Никто теперь не навещает сад!

Киёвара Фукаябу

* * *

Стоит зима, а с облачного неба
На землю падают прекрасные цветы...
Что там, за тучами?
Не наступила ль снова
Весна, идущая на смену холодам?

Харумити Цураки

* * *

Чуть вымолвишь: «вчера»,
Глядишь – уже «сегодня»,
И «завтра» наступает вслед за ним...
Как воды Асука – и месяцы и дни
Бегут и исчезают незаметно...

Сюндо Намики

* * *

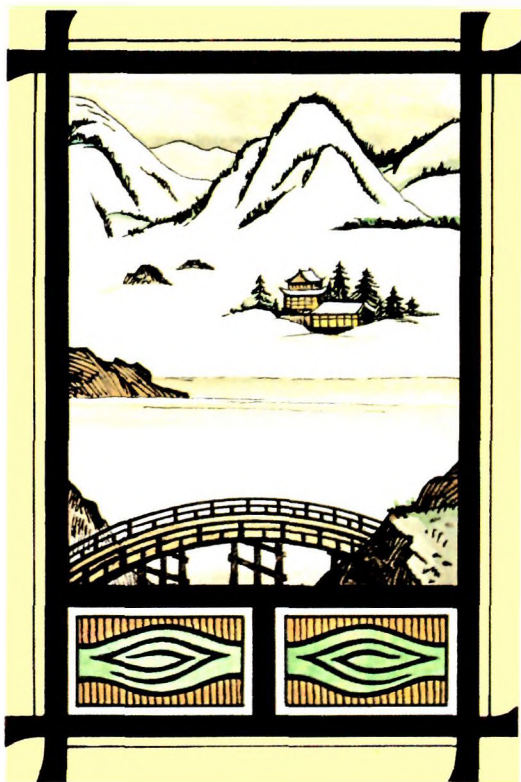
Реки горные разбились о плотины,
Что внизу на водах блещущих воздвиглись
Ветром злым.
Поток остановили
Груды облетевших алых листьев!

Нидзёин Сануки

* * *

Как эти камни, что лежат у берегов
И в час прилива в волнах исчезают,
Так рукава мои...
Они влажны от слез,
А люди ничего не видят и не знают!

Неизвестный автор

* * *

Не весь еще растаял белый снег,
Но пусть опять идет
И на землю ложится.
Когда весной встанет дымка над землей,
Мы белизной его не сможем любоваться.

Ки Тосисада

* * *

Хоть знаю я: простились мы сегодня,
А завтра я опять приду к тебе, —
Но все-таки...
Как будто ночь спустилась,
На рукаве дрожат росинки слез...

Саканоэ Корэнори

* * *

Ах, даже отраженная в воде
Расцветшая недавно хризантема
Сегодня стала вянуть на глазах...
Возможно ль, что на дне, под голубой волною,
Ложится тоже иней иногда?

* * *

Будто бы луна внезапно озарила
Небо, разливая белый свет, —
Так сверкает
В Ёсино повсюду
Выпавший на землю белый снег!

Неизвестный автор

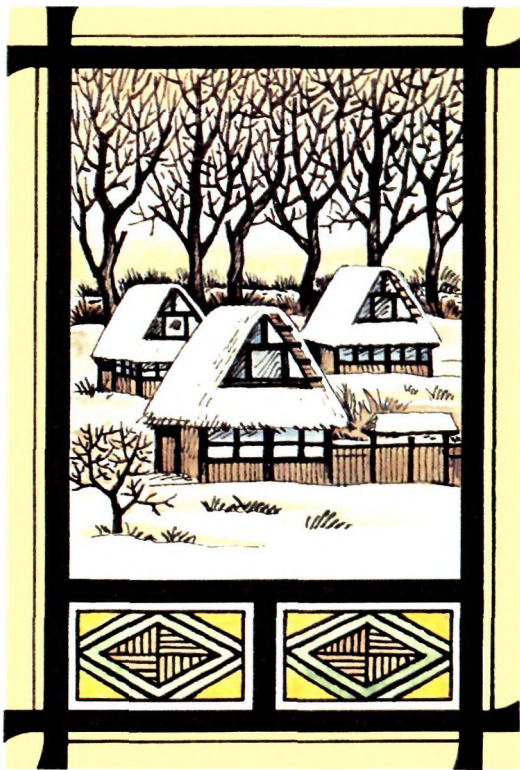
Пурпурная листва осенних кленов
Вдоль берегов несется по реке.
Как видно, нынче от потоков горных,
От тающих снегов
В реке — прилив воды.

Фудзивара Садайэ

* * *

В саду от лепестков сверкавшей вишни
Весенний ветер не оставил и следа,
И если кто-нибудь придет теперь туда,
Ему покажется —
Что вся земля в снежинках...

* * *

Ты мне лгала, что «горы в вечных соснах
Не перейдет волна — и не пройдет любовь»,
И в волнах слез моих,
Перехлестнувших горы,
Блестят лучи луны на рукаве...

* * *

Как знак, что, несмотря на годы,
На долгий срок, —
В душе жива любовь, —
В лазурных небесах подул внезапно вновь
Несущий сердцу весть далекий ветер!..

* * *

На поле Касуга зеленая трава
Из-под земли
Едва взошла на свет —
И кажется таким жестоким мне
Снег, спрятавший ее от взора белой пеной.

* * *

Моя любовь —
Как облако в лазури,
Плывущее неведомо куда, -
Встречаться нам с тобою не судьба
И даже тешиться надеждою напрасно...

* * *

В прекрасном Ёсино
Все горы в легкой дымке.
В селенье старое,
Где белые снега лежат кругом,
Пришла теперь весна!

* * *

Благоуханьем сливовых цветов
Наполнена небес далеких вышина,
И вешней ночи ясная луна
То заблестит,
То скроется за дымкой...

* * *

Не забывай меня! Пускай рукав атласный,
Где отражался лик луны в слезах,
Не будет рукавов моих касаться,
Ты все равно на память сохрани
Лучи луны в слезах прощальных!

* * *

Взгляну кругом — и нет уже цветов,
Не видно даже алых листьев клена,
Лишь в бухтах —
Бедные рыбацьи шалаши...
О сумерки осенние у моря!..

Фудзивара Садаката

* * *

О, если бы трава «влюбленных ложе»,
Что на Горе свиданий расцвела,
Недаром так звалась —
Тогда б ко мне, быть может,
Тайком от всех людей ты все-таки пришла!

Неизвестный автор

* * *

У кленов алых листья облетели,
Но мы жалеть об этом не должны...
Зачем жалеть?
Через просветы в ветках
Увидим нынче яркий блеск луны!

Тайра Канэмори

* * *

Любовь к тебе на дне души скрываю,
Но все равно ее не утаишь,—
Во всем сквозит,
И люди замечают,
И даже спрашивают: «Ты о чем грустишь?»

Сайгё-хоси

* * *

О, если б ты в своем селенье дальнем
Взглянула, как и я, сегодня на луну,
Ты знала б:
В одиночестве печальном
Люблю я до сих пор тебя одну!

* * *

Так трудно было мне и так душой устал,
Что в тягость был мне мир пустой и бранный,
Но появилась ты —
И он желанным стал,
И жалко мне расстаться со вселенной!

* * *

О, если б ты ушла, я ждал бы, как луну,
Я стал бы ждать, не отрывая взгляда, —
И все смотрел бы
В сторону одну —
Лишь на восток, где ты, моя отрада...

* * *

О, пожалей, хочу участия твоего,
Хочу, чтобы любовью сердце билось.
Пойми
Тоску и горести того,
Кто может лишь рассчитывать на милость!

* * *

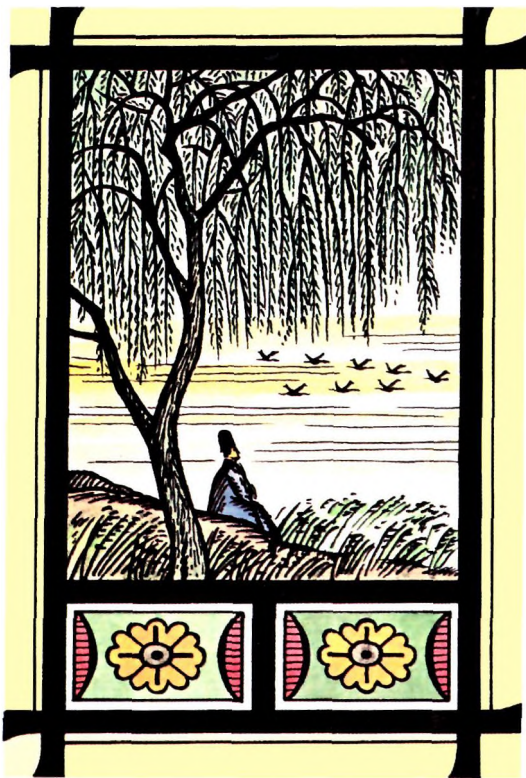
И даже мне, ушедшему от мира,
Исполненного зла и суеты,
Так тяжки
Сумерки среди болот осенних,
Где чайками покинуты кусты...

* * *

Взглянул я на луну — и дрогнула душа,
И сердце бедное поверить вновь готово,
Что осень
Прошлых отдаленных лет
Опять вернулась и — со мною снова!

* * *

Ты не пришла —
И холоден стал ветер.
Померкло сразу все вокруг меня...
И, покидая здешние края,
Кричат печально, улетаая, гуси...

* * *

О, лишь одна луна в далеком небе
Мне служит памятью доныне о тебе,
И если б вспомнила
Ты обо мне в тот миг, —
Сердца бы наши были вместе!..

* * *

В рассветный час, когда по воле ветра
Уплыли ленты белых облаков,
Высоко надо мной,
Перелетая горы,
Раздался первый грустный крик гусей...

* * *

Я знаю слишком хорошо себя:
Тебя я не обижу и намеком,
Но вот рукав мой,
Вымокший от слез,
Немым упреком будет для тебя.

* * *

Увидя тень прохладную под ивой,
Где протекала чистая вода,
Я поспешил скорей туда.
Подумал: буду здесь недолго, —
Но, очарованный, остался до утра!

Фудзивара Мотодзанэ

* * *

О, если б ты меня спросила:
«То белый жемчуг иль роса?» —
В ответ тебе
Я показал бы рукава,
Где, полные тоски, мои застыли слезы.

* * *

Те хризантемы белые вдали,
Колблемые легким ветерком,
Все кажутся глазам
В осенний день
Прибрежною волной, а не цветком!

Неизвестный автор

* * *

Опережая ветер, прозвучали
И стихли крики пролетающих гусей,
Что скрылись в облаках, –
А мне привета нет,
Которого я от любимой ждал...

* * *

У Тацута-горы не буря ли шумела,
С вершины вдруг обрушившись сюда,
Где заткана листвою была вода?
Никто не проплывал по глади водной,
А ярко-алая разорвана парча...

Неизвестный автор

* * *

День померк. Спустился сумрак черный,
Не встречаются на редких тропах люди.
Сыплется листва...
Средь пиков горных
Слышен только отзвук дальней бури.

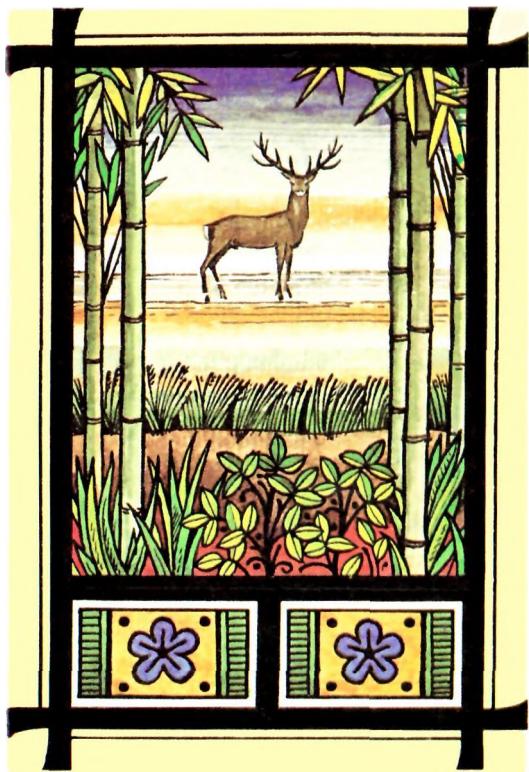
* * *

У сливовых цветов все тот же аромат —
Как будто их коснулся твой рукав, —
Совсем как та весна...
У месяца б узнать:
Быть может, прежняя весна вернулась вновь?

* * *

Покрытый зимним инеем рукав
Стелю я в изголовье, грусти полный,
И в эту ночь, когда уснуть я не могу,
Ах, даже свет луны
Мне кажется холодным...

Неизвестный автор

* * *

Я от тебя давно не получаю вести
И тщетно вдаль смотрю
Растет моя тоска...
А в небесах далеких еле-еле
Плывут и исчезают облака...

Фудзивара Иэтака

* * *

Опавший пурпур клена на земле,
Осенний вечер среди гор глубокий,
Дождь морозящий...
Вымокший под ним,
То не олень ли плачет одинокий?

Неизвестный автор

* * *

Ах, если б этот мир похож был на цветок
И каждую б весну рождалось вновь былое!
Напрасная мечта!..
Мир бренный — не такой:
Что раз прошло, уже не возвратится!

Сиракава-ин

* * *

Цветы апрельские раскрылись на заре
И пышной, белой изгородью встали.
На них взглянул —
И показалось мне:
Лучи луны сквозь облака струятся...

Минамото Санэаки

* * *

Луна едва лишь светит на рассвете,
В сиянье слабом опадает клен.
Пурпурная листва!..
Срывает листья эти
Злой ветер, прилетевший с гор.

Укон

* * *

Я не о том грущу, что ты меня забыл,
Об участи своей не беспокоюсь.
Но жизнью мы клялись,
Богам клялись с тобой,
И о твоей судьбе — моя тревога!..

Неизвестный автор

* * *

На родине я вновь, но опустел твой кров;
Ты навсегда ушла,
Пока прийти собрался.
Но аромат любимых рукавов
Еще хранят цветы расцветших померанцев.

Неизвестный автор

* * *

Тоска о многом на душе при лунном свете,
Когда на мир глядит усталый взор:
Я снова одинок —
Со мной один лишь ветер,
Лишь ветер в соснах среди пиков гор!

Абэ Киёсаки

* * *

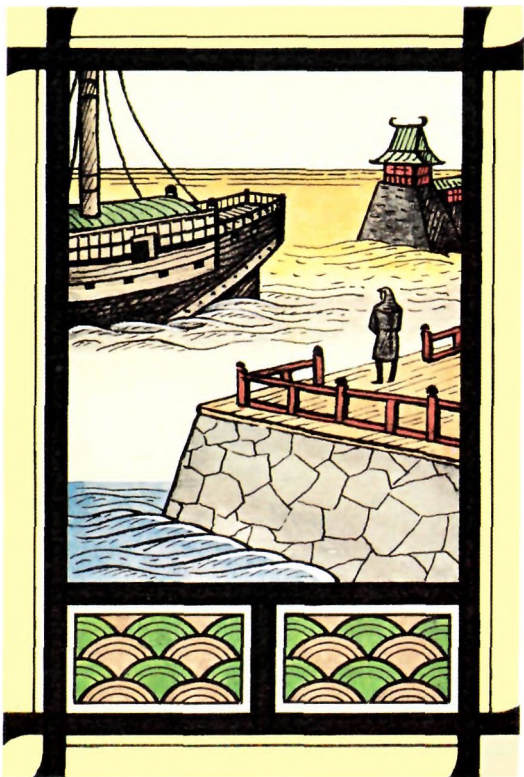
Хотел его сберечь,
Но жемчуг белый
Не удержался на атласном рукаве.
Он светлыми слезами оказался,
Что падали из глаз, не встретивших тебя.

Фудзивара Ёсискэ

* * *

В селенье, среди гор, дорог как не бывало,
Знакомых тропок будто вовсе нет, —
Не видно ничего...
С листвою кленов алой
Упал на землю ярко-белый снег.

Неизвестный автор

* * *

Как странник я одет, готов к пути,
А путь в волнах безбрежных исчезает...
Когда вернусь?
Не знаю ничего, —
Как белые те облака не знают...

Неизвестный автор

* * *

На миг один, пока зарницы блеск
Успел бы озарить колосья в поле
В осенний день, —
На самый краткий миг
Я позабыть тебя не волен!

Фудзивара Ёсинори

* * *

Как тот олень, что молчаливо бродит
В равнинах летом по густой траве,
Так я теперь...
Моих не слышно стонов,
И только слез роса на рукаве!

Неизвестный автор

* * *

Ты для меня так недоступна стала,
Лишь издали люблюсь я тобой...
Ты далека,
Как в Кацураги, на Такама,
Средь горных пиков в небе облака!

Неизвестный автор

* * *

Ах, память осени, прошедшей перед нами,
На ветках кленов алая листва, —
Исчезнет завтра же...
С осенними дождями
Те листья алые на землю упадут.

Неизвестный автор

* * *

Кто это о возлюбленном рыдает?
Чей раздается стон
Во тьме ночной?
То в глубине ущелий Каминаби
Кукушка бедная рыдает среди гор.

Фудзивара Митинага

* * *

Хоть знаю: день пройдет, настанет снова ночь,
И снова тьма дневной заменит свет,
И буду вновь с тобой, —
Но чувств не превозмочь.
О ненавистный утренний рассвет!

Фудзивара Тоситада

* * *

Как видно, проходя, кого-то здесь искали
И в выпавшей росе промокли все насквозь,
В полях осенних травы раздвигая...
Иль, может, то следы
В пути пролитых слез?

* * *

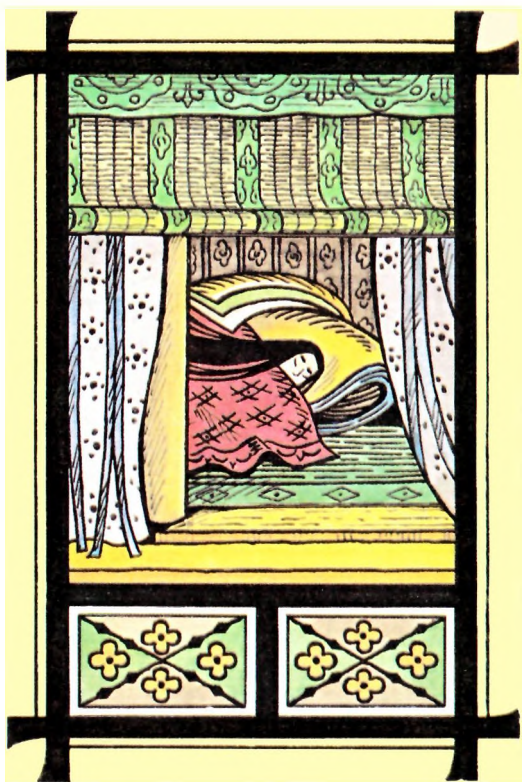
Все ночи напролет,
Не умолкая,
Олень рыдает и зовет жену.
И с молодой листвы расцветших хаги
На землю слезы падают росой...

Кока-монгин Бэтто

* * *

Из-за одной лишь ночи мимолетной,
Короче срезанного стебля тростника
В заливе Нанива,
Ужель теперь я буду
Всю жизнь тоской томиться по тебе?!

Фудзивара Тосиюки

* * *

Хотя бы в час ночной, когда волна
О берег плещется в заливе Суминоэ,
Приди ко мне во сне:
Ведь на тропинках сна
Никто следить не будет за тобою...

Тайкэн-монъин Хорикава

* * *

Надолго ль счастье? Сердцу неизвестно.
Смешались пряди черные волос
На изголовье...
С раннего рассвета
Смятением полна моя душа!

Энкэй-хоси

* * *

Покинутый приют — весь в зарослях плюща.

Тоскливо здесь. Хозяин все забросил.

Нет никого...

И только каждый год

Печальная сюда приходит осень...

Ёситада

* * *

О, вот она — зима,

Что светлую росу,

Сверкавшую повсюду жемчугами,

Обильно выпавшую нынче на траву,

На листья, — сразу в иней превратила!

Сюнкэй-хоси

* * *

Ночь напролет я в грусти был глубокой
И ждал с тоской, когда придет рассвет,
А он не приходил.
О, как была жестока
В опочивальне щель, откуда ждал я свет!

* * *

В далекий край плывешь ты нынче в море
И рассекаешь волны на пути,
А я остался здесь, но посмотри:
Здесь тоже волны — рукава мои
Покрыли волны белые печали...

* * *

Где горы Тамукэ — я не молюсь в дороге,
И жертвы приносить я не хочу.
Что жертва бедная,
Когда имеют боги
Из кленов алых драгоценную парчу?!

Минамото Мунэката

* * *

Слова, что ты мне говорила,
Меня безжалостно покинув навсегда,
Твои слова — как блеклая листва:
Она свой цвет зеленый изменила
Быстрой, чем осень к нам пришла!

Санэката

* * *

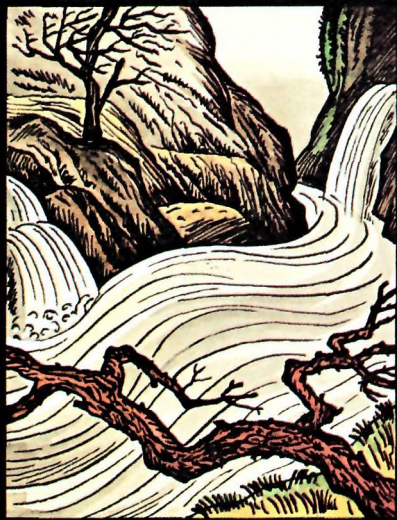
Едва проснулся и взглянул —
Рукав от слез насквозь был влажен,
И слез не счесть,
Как жемчуг белый,
Покрывший зелень вешних трав...

Фудзивара Хидэёси

* * *

В ночь эту светлую с сияющей луной,
Как видно, на берег прилив нахлынул:
В заливе Нанива
Сквозь листья тростников
Бегут, сверкая белым светом, волны...

Неизвестный автор

* * *

Так холоден и чист
Прозрачный свет луны,
Сияющей в огромном синем небе,
Что гладь воды, где отражался лунный лик,
Покрылась сразу крепким льдом от стужи.

Неизвестный автор

* * *

О, падающий снег
Растает непременно,
Недаром нынче с распростертых гор
Шум от бегущих вниз потоков вешних
Становится все громче, все сильней!

Фудзивара Окикадзэ

* * *

Надеяться на встречу — безнадежно,
С тобою не увидеться нам вновь!
Лишь в снах...
Но сны — недолговечней яшмы хрупкой,
А явь — намного призрачнее снов!

Неизвестный автор

* * *

Как видно, то весна,
Алея еле-еле в далеких небесах,
Сюда пришла:
Над склонами горы Кагуяма
Тумана протянулась дымка...

Неизвестный автор

* * *

Что человеческое сердце в этом мире?
Как «лунною травой» окрашенная ткань
Легко меняет цвет, —
В нем постоянства мало:
Сегодня — любит, завтра — нет!..

Такаиэ

* * *

Разлуки путь
Всегда исполнен горя,
И трудно побороть в себе тоску,
Но тяжелее расставаться вдвое
В вечерний час осеннюю порой...

Дзюкурэн-хоси

* * *

Снежинками любясь, я подумал:
Быть может, нынче ты ко мне придешь?
В саду моем —
На ярко-белом снеге —
Еще никто не оставлял следов...

Юки наисинно-но Кию

* * *

Не убережь рукав у берегов Такаси,
Все знают, как капризна там волна.
И ты — как та волна...
Ах, я не верю в счастье:
Полюбишь — и в слезах лишь смочишь рукава!

Саки-но дайсодзё Дзиэн

* * *

Взгляну кругом: на пиках снега груды,
Лишь белизна пустынных гор везде,—
Одна тоска! —
О ты, живя в столице
И зная это,— пожалей меня!

Фудзивара Таканобу

* * *

Ах, есть всегда печаль в любой разлуке,
Пусть неизвестен даже тот,
Кто в путь идет,—
Из бухты Мацура чужой корабль плывет,
Но грустно провожать его мне в путь далекий!..

Фудзивара Санэсада

* * *

Любуясь на цветы, идя к себе домой,
Дорога к дому вся в цветах душистых,
И я не тороплюсь,—
Ведь больше нет тебя,
Никто не ждет меня с тревогой и тоскою...

Неизвестный автор

* * *

Ах, только так на свете и бывает!
И полон я напрасною тоской
О той, которую мне больше не увидеть,
Как этот ветерок,
Что скрыт от наших глаз...

Фудзивара Акисукэ

* * *

В просвет среди бегущих в небе туч,
Гонимых вдаль порывом бурным ветра
Осеннею порой,
Пролился лунный луч,—
О блеска лунного великолепье!

Неизвестный автор

* * *

Ах, именно в конце печальном года,
Когда все чаще выпадает снег,
Я понял, что не знает увяданья
И не меняется
Цвет сосен вековых.

Кинто

* * *

Вот нынче б не пришли, — и листья алых кленов,
Сверкающих в селенье среди гор,
Нам не увидеть бы...
Ах, так и все мы — люди,
Как этот клен, не вечны на земле!

ШЕСТИСТИШИЯ

СЭДОКА

ИЗ СТАРИННЫХ СОБРАНИЙ ПЕСЕН
И ИЗ СБОРНИКА ХИТОМАРО

ЗАПИСИ НАРОДНЫХ ПЕСЕН
ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЙ

* * *

Через щели занавеси той,
Где подвешан жемчуг дорогой,
Постарайся проскользнуть ко мне!
Если спросит
Матушка моя,
«Это ветер», — я отвечу ей!

* * *

Там, на дне, глубоко под водой,
Жемчуг-водоросли в глубине,
Там растет «не-говори-травя».
С милою моей вдвоем
Мы пришли сюда тайком от всех,
Никому не говори, травя!

* * *

Из-за молодой чужой жены,
Что я встретил по дороге в храм,
Где указывают день работ,
Много я ночей лежу без сна,
И в смятенье думы тайные мои,
Словно порванная яшмовая нить...

* * *

Месяц, плывущий ночами,
Что черны, словно ягоды тута,
Пусть скорее покажется в небе вечером,
Чтоб за множеством дальних морских островов
Среди моря равнины широкой
Я увидел места, где живет дорогая жена!

* * *

В гавани для кораблей
Все верхушки камышей
Кто сегодня поломал?
Чтоб смотреть, как милый мой
Машет, машет рукавом,
Камыши сломала я!

* * *

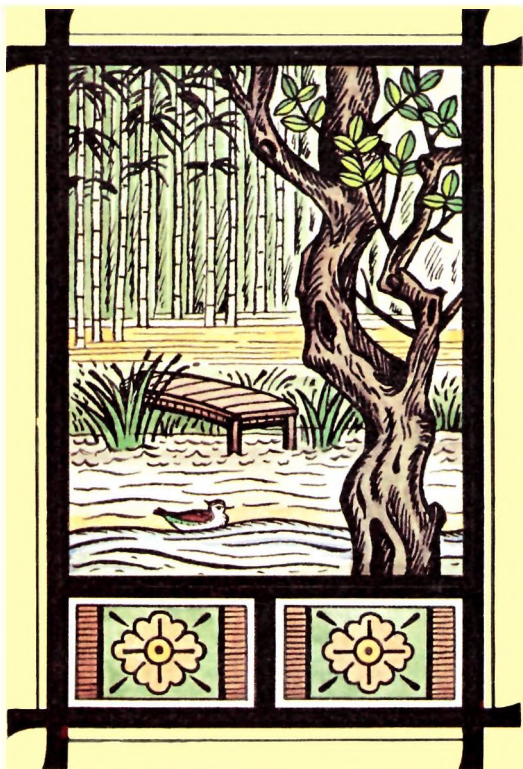
Дети, вы, что косите траву
На холме зеленом около меня,
Не годится там ее срезать.
Пусть останется нескошенной она,—
Ведь сюда придет любимый мой ко мне,
Накормлю травой его коня.

* * *

Не встречаюсь с милою моей,
На которую мечтаю я взглянуть,
Как на зеркало кристальной чистоты.
Словно порванная яшмовая нить,
Наша разлученная любовь,
Что сильней и крепче с каждым днем.

* * *

Ясневый лук — лук Адзуса натянут...
В стороне Натянут, или Хикицу,
Есть зеленая «не-говори-травя».
И пока цвести придет ее пора,
Будем вместе мы с любимой иль не будем,
Никому не говори, трава!

* * *

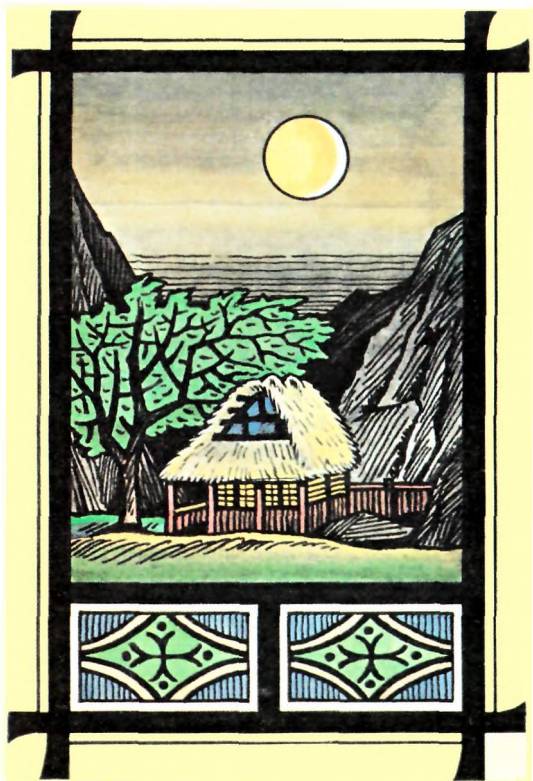
Там, у берега, где пруд,
Не срезайте вы бамбук
Под деревьями цуки.
Ах, хотя бы на него
В память друга моего
Буду я глядеть с тоски!

* * *

Нити жизни не жалея для тебя,
Я люблю,
Но много глаз людских кругом.
О, когда бы стал я
Ветерком летящим,
Мы могли бы часто быть с тобой вдвоем.

* * *

К солнцу, что восходит поутру,
Обращается народ с мольбой...
На горе Мольбы — Мукаинояма
Видно, как взошла теперь луна.
Те, кто жен имеют в дальней стороне,
Верно, глядя на нее, тоскуют о жене.

* * *

Из страны Ямасиро
Юный парень из села Кудзэ
Мне сказал, что хочет взять меня.
Поважнее много он, чем я,
А сказал, что хочет взять меня,
Юный парень из села Кудзэ.

* * *

Не ходите, люди, взад-вперед
По дороге,
Что вокруг холма идет,
Пусть мне служит тайною тропой,
И по ней тогда любимый мой
Будет приходить всегда ко мне.

* * *

О жена, что я скрываю ото всех
Под священными деревьями цукй,
Здесь, в Хацусэ, средь высоких гор
Ночью ясной
С ярко рдеющей луной
Люди не увидят ли тебя?

* * *

Ту жену, что спрятал ото всех
Рыцарь доблестный
В смятенье своих чувств,
Не найдет никто и никогда,
Даже пусть насквозь озарены
Лунным блеском небо и земля.

ДЛИННЫЕ ПЕСНИ

**ТЁКА
ИЛИ
НАГАУТА**

ИЗ СОБРАНИЙ СТАРИННЫХ ПЕСЕН —
АНОНИМНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

* * *

В этой бухте Нагато —
Длинные ворота —
Длинные, как волокно
Пряжи конопляной,
Той, что девушки кладут
В деревянный чан...
Как затишье поутру,
Набегает там прилив,
Как затишье ввечеру,
Приливают волны там.
И как бурный тот прилив
Набегает все сильней,
И как волны те встают,
Вырастая и шумя,
Так же милую мою
Все сильнее я люблю!

И отсюда видно мне,
Как на дальнем берегу
Каменистом, где всегда
Море плещется в Аго,
Девушки-рыбачки те
Собирают корни трав
Возле берегов
И как машут мне они
Белотканым рукавом.
И сверкают шарфы их,
Шеи нежные обняв,
И слегка-слегка звенит
Жемчуг на запястьях рук.
Верно, так же, как и я,
Каждая из них грустит...

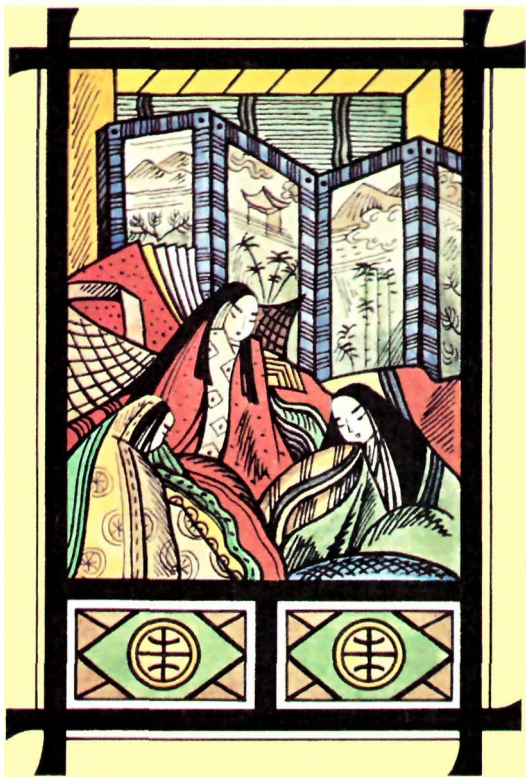
Словно в море у Аго
Эти волны, что бегут
К каменистым берегам,
У любви моей к тебе
Нету срока и конца!

* * *

Пусть в Ямато,
Пусть в стране
Распростертых островов
Много разных есть людей,
Что живут в ней с давних пор.
Но как волнами цветы
Ниспадают до земли
С веток фудзи,
Так к тебе
Мысли тянутся мои.
И как вешняя трава,
Ты, о ком я полон дум!
По очам твоим грустя,
Верно, не смыкая глаз,
Провести придется мне
Нескончаемую ночь...

Если б только думал я,
Что в Ямато, что в стране
Распростертых островов,
Есть еще одна, как ты,—
Разве горевал бы я?

* * *

С незапамятных времен
Говорят из века в век:
Если полюбил —
Значит, потерял покой.
Как на нити жемчуга
Нижут,
Так из века в век
Те слова передают...
Юных дев сердца
Не узнаешь ты никак!
Способов же их узнать
Нету никаких.
Лишь полюбишь,
В тот же миг
Станет гаснуть жизнь твоя.
Словно летом коноплю,
Выдернут ее,
Будет сердце увядать
Скошенной травой,
Но не будут люди знать,
И напрасно будешь ты,
Обрывая жизни нить,
Всей душой любить.

Верно, и такие люди есть на свете,
Что любить всем сердцем
Не умеют.
А вот я на миг один не в силах
Позабыть в разлуке девы милой.

Нелегко было прийти
Через горы мне в Косэ,
Шел по каменным мосткам,
Мучился — и вот пришел:
Нету сил сдержать любовь!

* * *

Там, где склоны Миморо
В Каминаби, на пути
Все заволокло кругом,
Дождик начал лить,
Встал туман среди небес,
Даже ветер начал дуть,
Как зияющая пасть,

Там долина Маками,
Той долиной проходя,
Ты, что шел в обратный путь,
Укрываясь от людей,
О, добрался ль ты домой?

В думах тревожных о тебе, мой любимый,
Что домой от меня уходил нынче ночью,
Ночью черной, как черные ягоды тута,
Сном спокойным уснуть
Было мне не под силу...

* * *

Жду тебя, любимый мой.
Не приходишь ты,
Гуси дикие кричат,
Холодно от криков их.
Ягод тутовых черней
Ночь спустилась к нам,

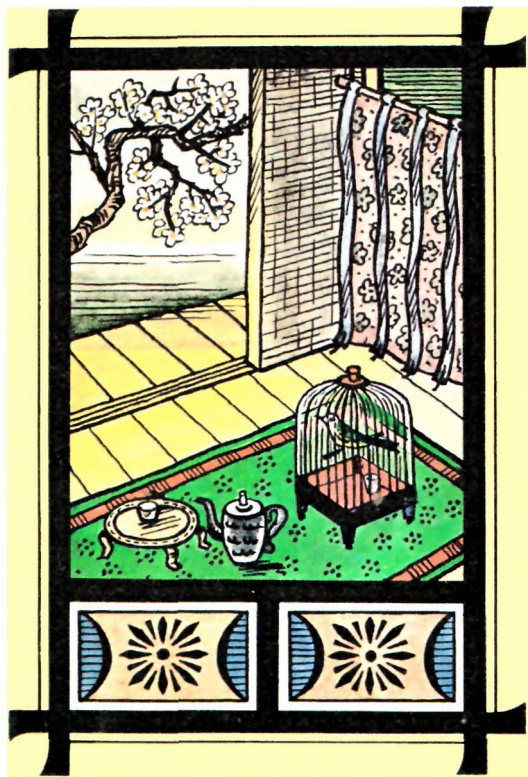
Ночь спустилась, и, когда
Буря началась,
Вышла я и стала ждать,
И на мой рукав
Выпал иней и застыл,
Превратившись в лед.
Снег упал и льдом замерз,
Неужели и теперь
Не придешь ко мне?
Значит, встретимся потом,
В майский день
Зеленый плющ
Ложем будет нам!
Как большому кораблю,
Доверяю я тебе,
Но покуда наяву
Я не встретилась с тобой,
Хоть во сне явись ко мне.—
Ночью у небес молю...

Зимний ветер дует
В рукава одежды...
Мне холодной ночью
Не уснуть сегодня
Без тебя, любимый...

* * *

Не дошло до ста...
На дороге в Ямана
С милою моей женой,
Что прекраснее была
Белых облаков,
Вставших легкою волной
В дальних небесах,
Мне расстаться довелось,
Не сказав ни слова ей...
Быстрых рек неведом путь,
Я не знал, идти ли мне?
И неведомо куда ветер рукава взметнет.
Я не знал, вернуться ль мне?
И как быстроногий конь,
Оступившись на бегу,
Я не ведал, как мне быть?
Я не знал, что делать мне?
Нету волнам числа,
Нет числа и думам тем,
Что терзают сердце нам,
Заполняя все кругом
На земле и в небесах...

Если бы душою мы
Были вместе, милый друг,
Верно, ты б пришел ко мне,
Думала, печалась, я
И вздыхала глубоко...
И прохожие в пути,
Что отмечен был давно
Яшмовым копьём,
Предо мной остановясь,
Спрашивали:
«Что с тобой?»
Но молчала я в ответ,
Я не знала, что сказать...
Если имя назову я твое,
Любимый мой,
Что пригож и краснолиц,—
Выдаст краска на лице,
Смогут люди все узнать,
И сказала я в ответ:
«Жду луну, что здесь взойдет
Из-за распростертых гор».
Так сказала людям я,
Я, что жду тебя, мой друг!

Не могу забыться сном...
Ты, о ком тоскую я,
Где изволишь нынче быть?
С кем проводишь эту ночь?
Жду, но не приходишь ты...

* * *

Новояшмовый
Пройдет,
И опять наступит год,
С веткой яшмовой гонец
Не приходит от тебя,
И поэтому теперь,
В долгий, долгий день весны,
В день, когда встает туман,
Небо и земля
Наполняются тоской.
И вздыхаю вечно я,
Скрытая от всех,
Будто в коконе живу,
Словно куколка червя,
Что, вскормившая меня,

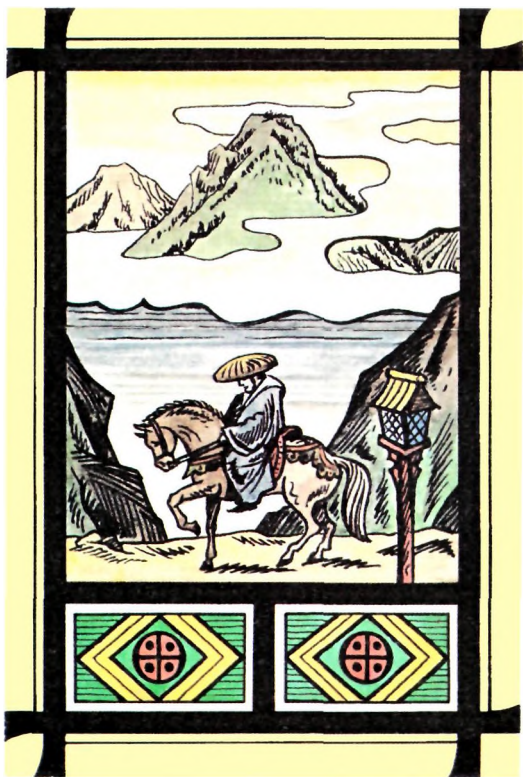
Выкормила матушка.
То, что в сердце у меня,
Где любовь моя живет,
Не приходится теперь
Высказать тебе.
Из корней сосны — сосна
Вырастет.
Зовут сосну — «мацу».
«Мацу» — значит «ждать».
Ждать придется долго мне.
По небу плывущее
Солнце клонится к концу,
Белотканые мои
Рукава
Влажны от слез...

Если только так —
Жить в разлуке, не любя,
Лучше бы тогда —
Жить тебе в ином краю,
Средь небесных облаков!

* * *

О страна Ямато,
Где,
Словно крылья стрекозы,
Распростерты острова,
Та страна, где жалоб нет,
О которой говорят,
Что божественна она.
Это так, но все же я
Жалобу несу богам:
Боги неба и земли,
Вероятно, не совсем
Знают сердце дум моих,
И недели вдаль бегут
С уплывающей луной,
Друг за другом мчатся дни,
Белым жемчугом блестя...
Может, это от тоски
Неспокойно на душе?
Может, это от любви
В сердце не стихает боль?
Если мне не суждено
В жизни встретиться с тобой,
Значит, буду до конца,
До предела дней моих,
Скорбь глубокую таить,

А когда б наедине
Мог я встретиться с тобой,
Посмотреть бы на тебя,
Словно в зеркало взглянуть,—
И утихла б, может быть,
Лютая моя тоска!..

Как большому кораблю,
Доверяла я тебе,
И хотя из-за тебя
Иссушила сердце я,—
Не жалею ни о чем...

Вечную, как небеса,
Ты столицу покидал,
Уходя в далекий путь,
Где подушкой на земле
Служит страннику трава,
И теперь тебя, скажи,
До какой поры мне ждать?

* * *

Там, где Ёсино-страна,
Там, где пики Миканэ,
Говорят, без отдыха,
Постоянно льют дожди,
Говорят, без времени
Падает на землю снег,
И, как этот дождь,
Как и он, без отдыха,
И, как этот снег,
Как и он, без времени,
Беспреданно предо мной
Ты, которую люблю...

О, как полон я любви
К той, что вижу вдалеке,
Словно в небе облака
Над вершиной Ёсино,
Где идет все время снег...

* * *

В море, в стороне Исэ,
Грозной ветрами богов,
Как затишье поутру
Прибывает к берегам
Фукамиру-водоросли.
Как затишье ввечеру
Прибывает к берегам
Матамиру-водоросли.
Так же глубоко,
Как растут на дне морском
Фукамиру-водоросли,
Глубоко любил меня
Ты когда-то, милый мой..
Так же,
Как ветвятся здесь
Вновь и вновь вокруг стеблей
Матамиру-водоросли,
Неужели ты меня
Вновь не назовешь женой,
Не вернешься вновь ко мне
Ты, что так любил меня?..

ПЕСНЯ ЮНОШИ

В запертую среди гор,
В эту малую страну Хацусэ
Когда пришел,
Чтобы взять себе жену, —
Небо сплошь заволокло —
Вот и снег пошел.
Все вокруг заволокло —
Вот и дождь пошел.
Птицы, что живут в полях, —
Кулики теперь кричат,
Птицы, что живут в домах, —
Петухи теперь кричат.
Рассветет, наверно, ночь,
Эта ночь к концу идет.
Я хочу войти в твой дом,
Так открой скорее дверь!

В запертой среди высоких гор,
Здесь, в стране далекой Хацусэ,
Дева милая моя живет.
Пусть мне по камням пришлось шагать,
Снова я пришел сегодня к ней!

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

О любимый мой,
Что явился взять жену
В запертую среди гор
Нашу малую страну —
Хацусэ.
Ведь в доме здесь
Мать моя лежит,
Во дворе у дома здесь
Мой отец лежит.
Коли встану, подымусь,
Все увидит мать,
Коли выйду и пойду,
Будет знать отец!
А за это время ночь, —
Ягод тутовых черней, —
Рассветать начнет,
И никак не быть тому,
Что задумал ты в мечтах,
Милый тайный мой супруг!

Если б только эта ночь,
Ночь, когда явился ты, переплыв потоки рек,
На коне на вороном, — ягод тутовых черней, —
Если б только эта ночь
Вечно длиться бы могла!

СТАРИННАЯ ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА
ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПОЭТОВ VII—VIII вв.

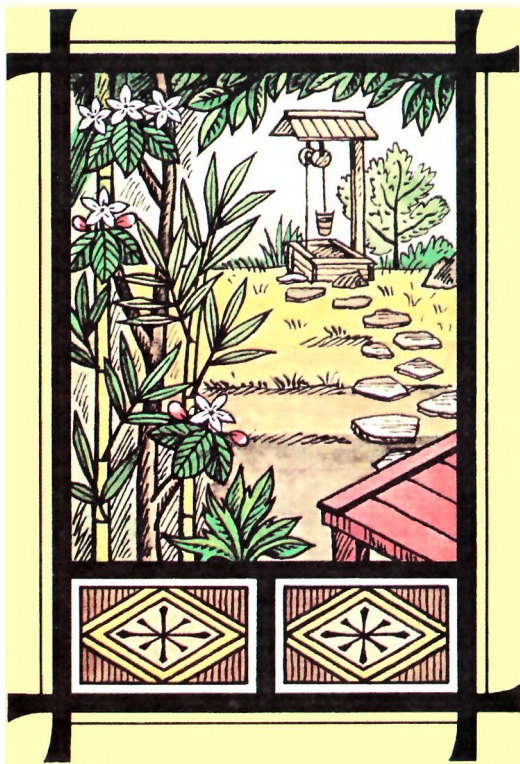

Отomo Якамоти

* * *

О, когда же,
О, когда? —
Думал я, и в этот миг
Возле дома моего
Среди множества ветвей —
Померанцы расцвели!
И цветы раскрылись так,
Будто вот опасть должны!
Рано поутру и днем,
Каждый раз, как выхожу,
Все люблюсь, говоря:

— Рано опадать!
Подождите, чтобы я
Дал полюбоваться ей,
Хоть один недолгий миг,
Ночью с ясною луной —
Зеркалом светлей воды, —
Ей, которую любить
Долго буду, до конца,
До предела дней моих.
Так цветы я заклинал
Для тебя. И как потом
Я негодовал,
Глядя на кукушку ту,
На противную, что здесь,
Рано на заре,
В час печальный,
Вновь и вновь,
Прилетала громко петь,
Заставляя облетать
Лепестки моих цветов
Понапрасну!..
И тогда —
Не осталось ничего
Мне другого, как сорвать
Для тебя эти цветы,
Полюбуйся же на них,
Милая моя!

Померанцы, что цветут передо мною,
Возле дома, среди множества ветвей,
Как хотел бы —
Ночью с ясною луною
Показать возлюбленной моей!

Пусть бы ты полюбовалась ими,
А потом могла бы и кукушка петь,
Ведь в цвету, раскрывшись, померанцы
Из-за песни громкой понапрасну
Могут слишком рано облететь!

* * *

Ах, когда бы мне иметь
Белый жемчуг дорогой,
Что находят, говорят,
Рыбаки в стране Сусу
У владыки синих вод
На глубоком дне морском.
Божество — моя жена,
Что любима нежно мной,
С той поры, как я ушел
И покинул твой рукав,

Что служил подушкой мне,
Ягод тутовых черней
Черной ночью
Ты одна
Без меня на ложе спишь.
Пряди спутанных волос
Не расчешешь поутру,
Все, наверное, грустишь
И считаешь каждый раз
Снова месяцы и дни,
Что проводишь ты в тоске.
Чтоб тебя утешить, я
Белый жемчуг заверну
И пошлю его тебе,
Чтобы с ирисом могла,
С померанцевым цветком
Нанизать его на нить
В мае радостном, когда
Прилетит кукушка петь,
Чтобы ты сплела себе
Дивной красоты венки.

Я белые жемчужины возьму,
Их заверну и отошлю тебе.
С цветами ириса
И с померанцевым цветком
Хочу, чтоб ты вплела в венок себе.

Если мне бы жемчуг дорогой,
Что, плывя к далеким островам,
Говорят, находят на глубоком дне,
Завернув его,
Тебе бы я послал.

О, если бы иметь мне жемчуг белый,
Что скрыт на дне у островов морских,
Чтобы послать тебе —
Моей любимой —
В дар для утехи сердца твоего.

Как был бы рад я нынче рыбакам,
Которые, собрав жемчужин груды
И нанизав на нить,
Подарок этот дивный
Мне принесли б в руках своих.

* * *

О далекий край глухой
Государя моего!
Я по должности своей,
Что назначил государь,
В путь отправился туда,
И приехал я в Коси,
Где идет чудесный снег.
Новояшмовых годов
Пять прошло,
Пять лет не спал
Я в объятьях милых рук
На расстеленных шелках,
Не развязывал я шнур,
В одиночестве я жил,
Потому и грустно мне.
Для утехи сердца я
Возле дома своего
Вырастил гвоздику здесь,
Посадил у дома я
Лилий нежные цветы,
Что растут среди полей
Летом в зарослях травы.
Каждый раз, как выхожу,
Я люблюсь на цветы:
Алая гвоздика мне

Мнится милою женой,
Лилий нежные цветы,
Утешая, говорят,
Что «увидимся потом».
И когда бы сердце я
Этим здесь не утешал,
Разве мог бы я в глуши,
Дальней, как небесный свод,
Даже день один прожить?

Каждый раз, как вижу я гвоздику,
Что сверкает яркой красотой,
Прелесть нежная
Улыбки юной девы
В этот миг встает передо мной.

О юри — лилии цветы!
Ведь «юри» может значить «после»...
Когда б в сердечной глубине
Я не надеялся бы боле, что после будем вместе мы,
Я не прожил бы и сегодня!

Какиномото Хитомаро

* * *

Там, в Ивами, где прибой
Бьет у берегов Цуну,
Люди, поглядев кругом,
Скажут, что залива нет,
Люди, поглядев кругом,
Скажут — отмели там нет.
Все равно прекрасно там,
Даже пусть залива нет,
Все равно прекрасно там,
Пусть и отмели там нет!
У скалистых берегов,
В Нигитадзу, на камнях,
Возле моря, где порой
Ловят чудище-кита,
Водоросли взморья там,
Жемчуг-водоросли там,
Зеленая, поднялись.
И лишь утро настает,

Словно легких крыльев взмах,
Набегают ветерок.
И лишь вечер настает,
Словно легких крыльев взмах,
Приливают волны вмиг.
Как жемчужная трава
Клонится у берегов
В эту сторону и ту,
Гнется и к земле прильнет
С набегающей волной,
Так спала, прильнув ко мне,
Милая моя жена.
Но ее покинул я.
И по утренней росе,
Идя горною тропой,
У извилин каждый раз
Все оглядывался я,
Много раз, несчетно раз
Оборачивался я.
И все дальше оставлял
За собой родимый дом.
И все выше предо мной
Были горы на пути.
Словно летняя трава
В жарких солнечных лучах,
От разлуки, от тоски
Вянет милая жена.

На ворота бы взглянуть,
Верно, там стоит она!
Наклонитесь же к земле
Горы, скрывшие ее!

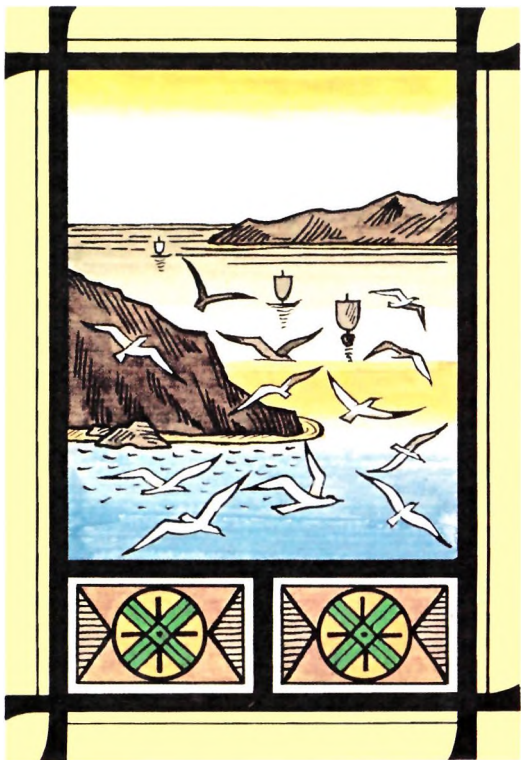
Там, в Ивами,
Возле гор Такацуну́,
Меж деревьями густыми вдалеке,
Видела ли милая моя,
Как махал я ей, прощаясь, рукавом?

По дороге, где иду
На склонах гор,
Тихо-тихо шелестит бамбук...
Но в разлуке с милою женой
Тяжело на сердце у меня...

* * *

О весенний яркий день!
В Кáсуга — долине гор,
Гор Микáса, что взнесли
Гордую корону ввысь,
Как над тронем у царей!
По утрам среди вершин
Там клубятся облака,
Птицы каодори там
Распевают без конца.
И как эти облака,
Мечется моя душа,
И как птицы те, поет
Одинокая любовь.
В час дневной —
За днями дни,
В час ночной —
За ночью ночь,
Встану я или ложусь —
Все томит меня тоска
Из-за той, что никогда
Не встречается со мной!

Как корона над троном,
Эти горы Микаса,
И как птицы там плачут,
Смолкнут, вновь зарыдают, —
Так любовь моя ныне не знает покоя...

* * *

Возле берегов морских
В тихой бухте Минумэ,
От которой недалек
Остров Авадзисимá,
Где подносят в дар богам
Урожая славный плод,
У пустынных берегов
Водоросли я возьму,
Водоросли «вглубь-взгляну».
Бухту обогнув кругом,
Срежу нежную траву,
Что зовут «не-говори».
Словно водоросли, я
В сердца глубь взглянуть хочу,
Но подобен я траве,
Что зовут «не-говори» —
Имя берегу свое

И не шлю тебе гонца,
Хоть тоскуя о тебе,
Не могу на свете жить!

Если б даже к тебе я привык,
Как к одежде своей привыкают
Рыбаки из Сума, выжигая обычно в ней соль,—
Все равно, я и на день один,
Не забыл бы тебя, никогда...

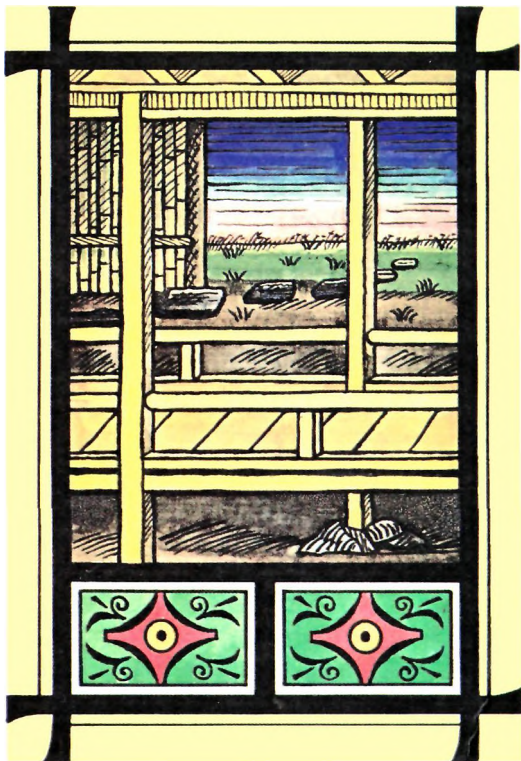

Отото Саканоз

* * *

Словно корни камыша,
Что уходят глубоко
В землю в бухте Нанива,
Озаренной блеском волн,
Глубоко твоя любовь,—
Говорил ты мне тогда.

Оттого, что клялся мне
Верным быть в своей любви
Ты на долгие года,—
Сердце чистое свое,
Словно чистый блеск зеркал,
Отдала тебе навек.
И был гранью этот день
Для моей любви к тебе...
Как жемчужная трава
Клонится у берегов
С набегающей волной,
В эту сторону и ту,—
В эту сторону и ту
Сердцем не металась я,—
Как большому кораблю,
Я доверилась тебе...
Сокрушающие мир
Боги ль разделили нас?
Или смертный человек
Нас с тобою разлучил?
Но тебя, что навещал
Каждой ночью,—
Нет теперь...
И гонца, что приходил
С веткой яшмовой,—
Все нет...
И от этого в душе

Нестерпима нынче боль!
Ягод тутовых черней —
Черной ночью напролет,
С ярко рдеющей зарей —
До конца весь долгий день —
Все горюю о тебе,
Но напрасна скорбь моя!
Все тоскую о тебе,
Но не знаю, как мне быть?
И недаром говорят
Все,
Что женщина слаба,
Словно малое дитя,
Только в голос плачу я
И брожу, блуждая здесь.
Не дожидаться, верно, мне
Твоего гонца...

Когда б ты с самого начала
Не уверял,
Что это — навсегда,
То разве тосковала б я
Так безутешно, как тоскую ныне?!

Каса Канамура

* * *

О прекрасный мой супруг,
Ты, что следуешь в пути,
Где изволит проходить
Наш великий государь
Вместе с свитой его,
Вместе с теми, кто стоит
Во главе несметных войск,
Славных воинских родов!
Гуси по небу летят...
Там, в Кару́,
Минуя путь,
И любуясь Унэби —
Той горой, что все зовут
Девой чудной красоты
В перевязях жемчугов,
И в страну направлясь Ки,
Там, где платья хороши
Из простого полотна,
Ты, наверное, идешь
Возле склонов Мацути...

О любимый! Там идя
И любясь, как летит,
С веток осыпаясь вниз,
Клена алая листва,
Не тоскуешь, верно, ты
С нежной думой обо мне,
А о странствии своем,
Где подушкой в пути
Служит страннику трава,
На ночлег остановясь,
Думаешь с восторгом ты!
И хотя могу понять
Думы тайные твои,
Но не в силах больше я
Молча оставаться здесь.
Много, много тысяч раз
Думала пойти я в путь
За тобою, милый мой,
Но ведь тело у меня
Слабой женщины, увы!
Потому бессильна я...
Спросят стражи на пути,
Будут мне чинить допрос,
Я не знаю, что сказать
И какой держать ответ.
Оттого, собравшись в путь,
Медлю я идти к тебе...

Чем, проводив тебя,
Здесь мучиться в тоске,
Я лучше б нынче стать хотела
С тобою вместе в Ки горою Имосэ,
Где милый неразлучен с милой!

О, если бы пошла я за тобою,
Ища следы твои,
Любимый мой,
В стране далекой Ки страж у заставы,
Наверно, все равно не дал бы мне пройти!

* * *

В Миканохара,
Где стояли мы в пути,
Что отмечен был давно
Яшмовым копьем,
Повстречался я с тобой,
Милая моя.

Как на облака небес,
Только издали взирал
На тебя тогда.
Не пришлось ни разу мне
Говорить с тобой.
И когда томился я
В сердца тайной глубине,—
Боги неба и земли
Подарили мне тебя.
И из шелка рукавами
Обменялись мы с тобой,
И, доверясь мне душою,
Стала ты моей женой,
О, пускай была бы долгой
Эта ночь, как сто ночей,
Долгих осени ночей!

С тех пор, как я ее увидел
Вдали перед собой, как облака небес,—
И телом, и душой
Я покорился
Возлюбленной моей.

Коль быстро эта ночь
Сменяется рассветом,
Нам ничего уже не сделать с ней...
Как я молил богов, чтоб ночь продлилась долго,
Так долго, как осенних сто ночей!

* * *

В Накидзуми,
В Фунасэ
Виден остров, что зовут
Авадзисима.
Слышал я, что в бухте там
Мацухо
Рыбачки есть,
Что в затишье поутру
Собирают на ладьях
Водоросли-жемчуга,
А в затишье ввечеру
Жгут из водорослей соль.
Но надежды нет уплыть
Мне туда,
Чтоб видеть их,
Словно нет уже во мне
Сердца рыцаря теперь,

Словно слабая жена,
Подчинился я тоске
И хожу, блуждаю здесь...
О, как полон я тоски!
Оттого, что нет весла,
Оттого, что нет ладьи...

Я в море плыть хочу, чтоб увидеть
Рыбачку юную, что там срезает
Морские водоросли-жемчуга...
О, если бы весла мне, о, если бы ладью,
Пусть даже на море бушуют волны!

КОММЕНТАРИИ

Японская любовная лирика занимает большое и важное место в японской поэзии. Еще в древности, во время народных обрядовых хороводов, которые совершались для получения обильного урожая и заканчивались брачными играми на полях, в переключках мужского и женского хора впервые родились песни любви и сохранили навсегда глубокую органическую связь с природой. Поэтому японская любовная лирика тесно переплетается с пейзажной, и любовные чувства передаются обычно через образы природы того или иного времени года или в связи с ними. Лирика чувств и лирика природы образуют гармоническое слияние и тонкое взаимопроникновение.

В японской старинной любовной лирике обычно не воспевается внешняя красота возлюбленной или ее душевные качества. Здесь не было создано, как в Западной Европе, «культы прекрасной дамы». Любимая была всегда та, с которой вместе любовались луной, цветами, алыми листьями клена, выпавшим снегом, красивыми видами природы. Во время такого любо-

вания стало обычаем сочинять стихи и выражать в них свое восхищение или раздумья, связанные с природой.

Сообщить тому, кого ты любишь, о расцвете цветов возле своего дома означало просьбу о свидании, ожидание прихода любимого человека.

В любовных песнях цветков сливы, вишни, гвоздики, камелии и другие цветы и травы часто являются метафорой возлюбленной. Позже ее образ ассоциируется также с жемчужиной и яшмой. Нередко в песнях говорится о желании сорвать алые листья клена, чтобы дать полюбоваться любимой или любимому, о желании показать живописные места природы.

Принято было вместе с возлюбленной сажать деревья, цветы, загадывая о будущем совместном счастье.

В песнях любви часто встречаются унаследованные от народных любовных заговоров образы трав и раковин с народными названиями: трава — «скажи-свое-имя», раковины — «позабудь-любовь» и т. п., которое используются уже в качестве художественного приема.

Одним из распространенных мотивов песен является обращение к девушке с просьбой назвать свое имя. Открыть юноше свое имя для девушки значило доверить ему свою судьбу, дать согласие на любовь, на брак.

Постоянным образом для песен любви являются рукава одежды, которые возлюбленные стелют друг другу в изголовье. Самое обычное выражение нежности и любви — это прикосновение рукавов. Плача, их подносят к глазам, отчего влажный рукав становится символом безутешных слез. Расстающиеся рукава — образ разлуки. С рукавами связано много примет и суеверий.

Много поют об обычае дарить одежду любимому человеку или обмениваться с ним одеждой, о том, как завязывают заветный шнур у одежды перед разлукой с любимым человеком в знак верности с тем, чтобы не развязать его до будущей встречи.

Часто обращаются к летящей птице, парящему облаку, к плывущему челну, чтобы передать весть о себе любимому человеку.

Характерным мотивом японской любовной лирики является расставание с милым на заре — песни типа «альба». В древности они пелись после брачных игр. Позднее стали означать прощание с тайным возлюбленным, а в некоторых случаях с мужем, так как жены не уходили в дом мужа, а муж навещал жену, приходя в ее дом.

В приведенных здесь образцах японской лирики читатель найдет знакомые душевные переживания, свойственные любовной лирике всех народов, и одновременно войдет в особый мир своеобразных поэти-

ческих образов и восприятий японской поэзии, где много унаследовано от народного творчества.

Характерные черты, присущие японской поэзии в целом, отражены и в любовной лирике: недосказанность, наличие намеков, тяготение к иносказанию, ожидание душевного отклика слушателя или читателя, как бы дополняющего произведение, раскрывая его подтекст, благодаря привычным ассоциациям и традиционному восприятию образов.

Отдельные образцы, приведенные в данном издании, взяты из трех лучших японских поэтических антологий VIII, X и XIII веков.

Произведения антологий VIII века помимо авторской поэзии содержат также записи народных песен западных и восточных провинций и отличаются наиболее непосредственным выражением чувств, в то время, как произведения из антологии X века уже несут на себе печать философии эстетизма, процветавшей в среде господствующей аристократии, и выделяются изысканностью и усложненностью содержания. Произведения антологии XIII века особенно элегичны по настроению и как бы отражают тяжелую общественную атмосферу того времени и проникновение в любовную лирику влияния буддийских учений о бренности всего земного.

Переключка мужского и женского хора во время народных обрядовых хороводов предстает здесь порой

как обмен любовными строфами между возлюбленными или как обмен любовными посланиями.

Помещенные в конце сборника шестистишия и длинные песни являются наиболее древними формами песен, которые уже в VIII веке уступили ведущее место пятистишиям (танка), ставшим в X—XIII веках господствующей формой стиха в мире японской поэзии.

В разделе авторских песен читатель знакомится с двумя великими поэтами древности — Какиномото Хитомаро (VII в.) и Ямабэ Акахито (начало VIII в.), с известным певцом любви VIII века Отомо Якамоти и с лучшими поэтессами своего времени Нукада (VII в.), Отомо Саканоэ (VIII в.), Каса (VIII в.) и др.

Представлены в этом разделе и поэты, вошедшие в список «шести бессмертных поэтов»: Ариwара Нарихира (IX в.), поэтесса Оно Комати (IX в.), поэты Содзё Хэндзё (IX в.), Бунъя (Фунъя) Ясухидэ (IX в.), а также включенные в более поздние «списки тридцати шести бессмертных поэтов средневековья»: Цураюки (X в.), Отикоти Мицунэ (X в.), Ки Тономори (X в.), Сайгё-хоси (XII в.), Фудзивара Садаиэ или Тэйка (XIII в.), поэтессы Мурасаки Сикибу (конец X — начало XI в.), Идзуми Сикибу (XI в.) и др. Прославленные поэты этих антологий, творчески освоив достижения китайской и корейской поэзии и прежде всего ис-

пользуя внутренние возможности своей собственной культуры, унаследовав богатый опыт народного творчества, сумели создать в итоге свою особую любовную лирику, неотъемлемую от глубоко проникновенной лирики природы.

Японская любовная лирика с ее самобытным лирическим богатством и своеобразными поэтическими образами — достойный вклад в сокровищницу мировой поэзии любви. А ее общечеловеческое звучание помогает ей легко перешагивать через столетия и быть близкой нам и теперь.

Хочется надеяться, что знакомство со старинной любовной японской лирикой, как любое проникновение в область духовной культуры другого народа, будет способствовать сближению и взаимопониманию, внося свою скромную лепту в великое дело дружбы и мира между народами.

Стр. 11. *Изголовие из дерева цугэ...*— В старину вместо подушки употребляли деревянные подставки под голову, на которых лежали маленькие валики, обтянутые шелком или другой материей. Дерево цугэ — японский самшит (*Buxus microphylla*).

Трава «Не забывай» — народное название травы (*Polypodiuni Lineare*); растет на кровле старых домов, на скалах.

Трава «забудь-любовь» — старинное название неизвестной травы. По народным поверьям, если носить эту траву с собой, позабудешь сердечное горе.

Стр. 12. *По дороге, что отмечена давно яшмовым копьем...*— Постоянный образ в древней поэзии, подсказанный мифами и легендами. В них говорится о том, что Ниниги, внук богини солнца Аматэрасу, спустился с небес на землю, и там сопровождавший его небесный страж показывал ему путь яшмовым копьем.

Стр. 14. *Сверкает зеркало кристальной чистоты...*— В синтоистских храмах в алтаре висит круглое металлическое зеркало — одна из трех священных реликвий (меч, зеркало, яшма), символ богини солнца Аматэрасу, главной богини синтоистского культа. В поэзии зеркало — символ красоты, душевной чистоты, особо почитаемой святыни.

Стр. 15. *...цветы струящиеся фудзи...*— Фудзи — японская глициния (*Wistaria floribonda*), цветет поздней весной или в начале лета сиреневыми и белыми цветами, спускающимися с ветвей длинными гирляндами, отчего их сравнивают часто со струями водопада, волнами.

Стр. 19. *Лунная трава цукигуса* (*Commelina communis*) — имеет способность быстро менять свой цвет, отчего в песнях встречается как символ непостоянства и изменчивости.

Стр. 23. *...лавр зеленый, на луне растущий...*— По старинным японским представлениям, навеянным китайскими легендами, считалось, что на луне течет река и растет лавр.

Стр. 25. *Эта ночь, что черна...*— песня о разлуке на заре, образец одного из «общих мотивов», своеобразная японская альба.

Тидори — японский кулик.

Стр. 30. *Ах, одежды белотканой рукава в изголовье положу-ка я себе!*..— В песне приводится

любовный заговор с целью охранить возлюбленного в плавание и привлечь к себе на ложе. Старинное поверье утверждало: если положишь в изголовье рукава своей одежды, дождешься на ложе любимого.

Стр. 36. *Тэкона* — легендарная красавица, бросившаяся в море, не будучи в состоянии сделать выбор между двумя любившими ее юношами.

Стр. 39. *Травы гомо* — разновидность речных водорослей.

Стр. 41. *Яшмовых одежд...* — то есть красивых одежд; распространенный эпитет в японской поэзии VIII в.

Стр. 42. *Куману* — название местности на острове Кюсю, где занимались кораблестроением.

Ямато — здесь название главной провинции в Японии, где находилась столица Нара.

Стр. 46. *Мисаго* — птицы из породы орлов.

Зеленые травы «скажи-свое-имя» — народное название трав, которые, по-видимому, употреблялись при заговорах. В старину была широко распространена вера в магию слов, о чем свидетельствуют многие названия японских трав, раковин, гор и т. п. Назвать мужчине свое имя было в старину для девушки равносильно согласию на брак. Существовало поверье, что произнесение имени может навлечь несчастья на его

обладателя. Поэтому, открывая кому-либо свое имя, девушка как бы вверяла ему свою судьбу.

Асука воды... — Речь идет о реке Асука в уезде Такэти провинции Ямато.

Стр. 47. *Итак, друзья, скорей в страну Ямато.* — Стихотворение написано в Китае.

Стр. 50. *Вот и время пришло...* — Эта и следующие три песни посвящены памяти умершей жены поэта.

Стр. 56. *Татибана* — японские померанцы, постоянный образ песен лета.

Стр. 57. *Сорочий мост* — образ, связанный с популярной легендой, пришедшей в Японию из Китая, о любви двух звезд Волопаса и Ткачихи (Альтаир и Вега), разлученных Небесной рекой — Млечным Путем. Они могли встречаться друг с другом только раз в году — в седьмой день седьмого месяца. Согласно одному из вариантов предания, влюбленным помогли встретиться сороки, которые сцепились крыльями и образовали мост через Небесную реку.

Стр. 63. *Страж островов морских.* — В этом и некоторых других стихотворениях речь идет о пограничных стражах.

Стр. 65. *Во сне я ныне увидала, что положила рядом с ложе бранный меч.* — Меч считался неотъемлемой принадлежностью мужчины, рыцаря, так же, как зеркало — принадлежностью женщины, красавицы. Увидеть во сне меч было приметой, означающей

встречу с возлюбленным: приснившееся зеркало истолковывалось как примета, сулившая встречу с любимой.

Стр. 67. *Микаса* — священные рощи в провинции Тикудзэн (ныне префектура Фукуока) на острове Кюсю.

Ону — название местности вблизи рощ Микаса.

Стр. 75. *Новояшмовые годы* — постоянный, окаменевший эпитет к «годам». Первоначальное значение — год нового урожая.

Стр. 76. *«Старинные послания»* — были сложены чиновниками-посланцами в Сираги (древнее княжество Кореи — Силла) и их близкими. Относятся к 736—737 гг.

Стр. 77. *И встанет пред тобой густой туман...* — По старинному народному поверью, вздохи тоскующей возлюбленной превращаются в туман, который встает на пути любимого человека, как знак того, что о нем тоскуют.

Стр. 79. *Без этих раковин «забудь-любовь».* — В песне автор обращается к народному поверью: если найдешь раковины «забудь-любовь» — забудешь о несчастной любви. Любуясь необычайной красотой этих раковин, люди якобы забывали о своих печалях.

Стр. 92. *...голос плачущей кукушки услышал.* — Кукушка — один из постоянных образов лета. Куку-

вание ее вызывало такое же восхищение, как пение соловья.

Стр. 100. Не звезда ли сегодня со звездой расстается? — См. примеч. к с. 57.

Стр. 103. *Хаги* (*Lespedeza bicolor*) — цветы хаги лилового и розоватого цвета; как и алые листья клена, они являются традиционным символом осени.

Стр. 107. *...звезда ждет целый год звезду...* — См. примеч. к с. 57.

Стр. 133. *Ты мне лгала...* — В песне использована старинная любовная клятва: «Так же, как никогда не перейдет волна через горы, покрытые соснами, — я никогда не разлюблю тебя».

Стр. 136. *...травя «влюбленных ложе»* — старинное народное название плюща.

Гора свиданий — старинное народное название горы на острове Хонсю.

Стр. 139. *Кричат печально, улетая, гуси...* — Дикие гуси — традиционный образ осени. Гусей считают гонцами, приносящими вести из дома, от любимого человека, друга.

Стр. 161. *Покрыли волны белые печали...* — Поэт говорит об обильных слезах, которые увлажнили его рукава, сравнивая их с белыми волнами; слезы всегда сравниваются с росой, белой яшмой, жемчугом, то есть всегда ассоциируются с белым цветом. В данном

случае речь идет о белых, пенистых волнах, о бурном выражении горя.

Стр. 162. *Тамукэ* — горы в провинции Ямато, вблизи столицы Нара. По древнему обычаю, путники из столицы приносили здесь жертву богам дороги; при обряде использовались так называемые «нуса» — белая, вырезанная ступенчатыми полосками бумага, прикрепленная к деревянным палочкам (символические колосья риса).

Из кленов алых драгоценную парчу. — Осенние клены в горах Японии представляют собой зрелище редкой красоты. В классической поэзии их алые листья сравниваются с парчой. Кленовая парча — один из постоянных образов в осенних песнях.

Стр. 166. *Кагуяма* — одна из трех знаменитых гор в провинции Ямато (Кагуяма, Миминаси, Унэби). Называется часто Горой небес, или Небесной горой; в основу этого названия легла легенда о том, что гора спустилась на землю с неба.

Стр. 168. *Такаси* — название местности в провинции Идзуми (ныне префектура Осака). В песне — иносказание: «не убережь рукав у берегов Такаси» имеет смысл «не убережь себя от слез» (влажный рукав — традиционный символ пролитых слез), «капризна... волна» — изменчив любимый; «полюбишь — ...смочишь рукава» (милый быстро изменит — станешь несчастной).

Стр. 175. *«Не-говори-трава»* — один из видов морских водорослей, растущих глубоко на дне моря.

Стр. 177. *Словно порванная яшмовая нить...* — образ смятения чувств, разлученной любви.

Стр. 218. *Утешая, говорят, что «увидимся потом».* — Лилия — по-японски «юри», что омонимично слову «юри» — «после», «потом». На этом часто строится игра слов, один из характерных приемов японской поэзии.

Стр. 230. *О прекрасный мой супруг...* — В те времена было принято сочинять стихи по просьбе другого человека от его лица. В данном случае известный поэт Каса Канамура сочинил песню по просьбе дамы, от ее лица, чтобы она могла послать эту песню своему супругу.

Стр. 233. *Гора «Имосэ»* («Имо» — в данном случае «возлюбленная», «сэ» — в данном случае «возлюбленный») — символ неразлучных возлюбленных.

А. Глускина

СОДЕРЖАНИЕ

пятистишия (Танка)

Песни западных провинций	7
Песни восточных провинций	29
Поэзия древней Японии VII—VIII вв.	37
Средневековая поэзия IX—XIII вв.	82

шестистишия (Сэдока)

Из старинных собраний песен и из сборника Хитомаро	
Записи народных песен западных про- винций	175

длинные песни (Тёка или Нагаута)	
Из собраний старинных песен — анонимные произведения	187
Старинная любовная лирика из произведений поэтов VII—VIII вв.	210
КОММЕНТАРИИ	239

ЯПОНСКАЯ ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

Редактор **И. Ким**

Художественный редактор

Ю. Коннов

Технический редактор

Л. Ковнацкая

Корректоры

Б. Тумян,

Т. Филиппова

ББК 84.5Я
Я70

ИБ № 4583

Сдано в набор 18.02.87. Подписано в печать 13.11.87.
Бумага мастермат. Формат 60×84¹/₃₂. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать офсетная. Усл. печ.
л. 7,46. Усл. кр.-отт. 45,63. Уч.-изд. л. 5,59. Изд.
№ VIII-2511. Заказ 2386. Тираж 25 000 экз. Цена 4 р.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Художественная литература». 107882, ГСП, Москва,
Б-78, Ново-Басманная, 19. Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий». Москва, И-473, Краснопроле-
тарская, 16.

Я $\frac{4703000000-346}{028(01)-88}$ 211—87

ISBN 5-280-00447-2

